

INSPIRIA

Хелен Рольф

Библиотека
всего
на свете

В каждом городе —
свои секреты.

INSPIRIA

Сирсаке. Горячий шоколад

Хелен Рольф

Библиотека всего на свете

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Рольф Х.

Библиотека всего на свете / Х. Рольф — «Эксмо»,
2020 — (Cupsake. Горячий шоколад)

ISBN 978-5-04-169828-7

Кloverдейл — необычайно живописный городок недалеко от Лондона. Адам Паркер, недавно переехавший сюда с двумя детьми, приятно удивлен, что сельская жизнь — совсем не то, чего он опасался. Здесь постоянно что-то происходит, а местная жительница Дженнифер даже приглашает Адама помочь ей с проектом — открыть «библиотеку всего на свете», где люди будут брать напрокат не только книги. Единственная проблема: Дженнифер очарована Адамом, а он — ее сестрой Айлой. Все становится хуже, когда кто-то находит в доме Адама личный дневник с жутковатыми откровениями. Кому он принадлежит? И что случилось с матерью детей Адама? Сам он не откровенничает, чем навлекает на себя подозрения. «Один из лучших романов для приподнятого настроения». — Woman & Home «Истории о семье, дружбе, секретах и буднях небольшого города». — Goodreads.com (о романе Хелен Рольф «Маленькое кафе в конце пирса»)

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169828-7

© Рольф Х., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Три месяца назад	7
1. Адам	7
2. Дженнифер	11
3. Адам	18
4. Виола	25
5. Дженнифер	31
6. Адам	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хелен Рольф

Библиотека всего на свете

*Спасибо всем библиотекам! Желаю вам и впредь оставаться
кладезем информации и ковчегом эскапизма с бесконечной вереницей
прекрасных историй на полках и соединять людей на долгие, долгие годы.*

Helen Rolfe

THE LITTLE VILLAGE LIBRARY

© Helen Rolfe 2020 First published by The Orion Publishing Group, London

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Мне и в голову не мог прийти подобный поворот судьбы. Меня отродясь не посещала мысль рассказывать людям о том, что со мной произошло. Мне казалось, прошлое глубоко похоронено и постепенно как-нибудь само собой растворится, перестанет меня терзать.

Лучше встать чуть левее, чтобы зимнее солнце, отражающееся от припаркованных снаружи машин, не слепило глаза, затрудняя и без того непростую задачу. Впрочем, невозможность видеть лица, выжидательно устремленные на меня, прибавляет храбрости, как глоток чего-нибудь крепкого или неожиданный прилив бодрости духа. Мне не нужна трибуна – у меня нет конспекта; слова приходят сами, рвутся из глубины души.

Я вдруг начинаю волноваться и кладу руки на трибуну поверх дневника. Физическая опора немного успокоит расхоловшиеся нервы; хватит бояться. Мне стыдно и неловко, меня мучает тревога, что люди, узнав правду, переменят обо мне мнение. Порой я злюсь на себя за то, что все настолько вышло из-под контроля, но нельзя же вечно себя корить. Случившее стало для меня неожиданным и незаслуженным.

Передо мной пять рядов стульев и тридцать или сорок лиц, повернутых ко мне. На некоторых – скептическое выражение, на других – опасливое, будто они догадываются – им не понравится то, о чем я буду говорить. Но есть и те, кто уже знает о моей боли и беспокоится за меня. Я надеюсь, что после моего выступления хотя бы один из слушателей, столкнувшись с такой же дилеммой, поверит, что он не одинок. Я хочу убедить их, что признавать существование проблемы – нормально. И нормально попробовать что-то предпринять с целью изменить свою жизнь. Нормально взглянуть в лицо упрямым, бесстрастным фактам.

Опоздавший застаёт меня врасплох, усевшись на последнее свободное место. Забавно, как от такой мелочи меня охватывает желание сбежать. Но я бегаю уже достаточно долго, поэтому, когда в зале наступает тишина, сердце у меня начинает сильно биться, а во рту пересыхает. Пора начинать. Пора поделиться моей историей.

Потому что только очевидец знает правду о том, что происходит за закрытыми дверями.

Три месяца назад

1. Адам

– Уй, как тут круто!

Девятилетний Зак, пытливый, как большинство мальчиков этого возраста, листал комиксы на стенде библиотеки Кloverдейла, но вскоре потерял к ним интерес и принялся носиться по проходам в поисках чего-нибудь более содержательного.

– Да уж, получше места не нашлось, – фыркнула четырнадцатилетняя Зоэ, не столь непритязательная, как брат. Она вступила в пору вредного переходного возраста и уже начала меняться – с недавних пор Адам ходил как по минному полю. Он понимал, что это только начало, но главное – дети с ним, а уж он обеспечит им нормальную жизнь.

– А ты не раскисай, – осторожно отозвался он. – Все не так уж плохо. Если ты дашь себе труд поглядеть, может, и найдешь чтение по своему вкусу.

– Сомневаюсь.

Дебелая дама в длинном и широком желтом полотняном платье подплыла к ним.

– Если вы ищете книги для подростков, у нас большой выбор!

Она увела Зоэ к стеллажам у стены, и Адам понадеялся, что даме в желтом удастся убедить девочку не опускать руки. Все, что в последнее время говорил он, оказывалось не к месту и яростно критиковалось.

Он пошел за Заком, который отыскал книгу Дэвида Уолльямса и полное собрание книг о Гарри Поттере, которое у него уже имелось дома. Взгляд Адама привлекли ярко-желтые двери за парковкой при библиотеке: двери были складывающиеся, как гармошка. Одна створка была открыта, и было видно, как кто-то ходит внутри.

– А там у нас библиотека общих вещей, – сказала подросевшая дама в желтом, которая водила Зоэ к подростковой секции. – Новый проект Кloverдейла, открыта в любой день.

– Как это – библиотека общих вещей?

– О, это чудесная задумка! Командует там Дженнифер, я вас обязательно познакомлю... Она сама все затеяла, обустроила и сторговала у поставщиков множество прелестных вещичек, от хлебопечки – я ее уже присмотрела для себя – до машинок для нарезки лапши, газонокосилок, садовых грабель, ракеток для бадминтона... – Напрягая память, женщина даже покраснела от усилий. – Навскидку больше не вспомню, но за пару фунтов наши кloverдейлцы смогут одалживать все это добро, пользоваться сколько понадобится, а потом вернуть. Знаете, с месяц назад я чуть не купила хлебопечку, но когда Дженнифер сказала, что я могу взять печку напрокат и опробовать, я подумала – почему бы и нет? С моим характером хлебопечка мне быстро надоеет, и муж начнет зудеть, что я зря трачу деньги! – Ее громкий смех заставил Зоэ поморщиться, прикрывшись книгой, которую она соизволила полистать.

– Я – Элейн, – представилась, наконец, дама в желтом, остановив на минуту свою словесную мельницу. – А вы?

– А я – Адам. – Адам протянул руку. – Это моя дочь Зоэ. Зак, мой сын, крутится где-то тут.

Адам знал, что нужно осваиваться: для этого они и приехали в Кloverдейл. После Австралии они жили в Лондоне, но суета большого города Адама не привлекала. Анонимность, конечно, штука хорошая, но детям нужны свои комнаты, а в Лондоне ему и за сто лет не купить дом, в котором они не сидели бы друг у друга на головах. Поэтому Адам начал смотреть сельскую местность, но поближе к своей работе, где были бы хорошие школы, недорогое жилье и

отпадала бы необходимость в выматывающих ежедневных поездках. Конечно, он не упустил шанс купить коттедж в Кloverдейле. Так они оказались здесь.

– О, какой приятный у вас акцент! Откуда вы родом?

– Из Англии.

– Нет, у вас новозеландский выговор, если я что-нибудь понимаю в акцентах!

– Австралийский, совсем легкий. Я родился в Англии.

«Ну же, дети, – подумал Адам, – выбирайте по книге, и пойдете отсюда».

– А что же привело вас на родину? Семья?

– Отчасти.

К счастью, Зак очень вовремя вмешался в разговор, попросив записать его в библиотеку.

Элейн на одном дыхании перечислила, что им нужно принести, чтобы подтвердить свой адрес, и отложила дальнейшие расспросы, когда Адам пообещал зайти в другой раз.

– Приятно было познакомиться! – сказала Элейн ему вслед.

Он помахал в ответ и вышел, радуясь летнему ветерку и спасению от любопытной дамы в желтом. Вот чего ему не хватало в жизни, так это неумной провинциальной сплетницы.

Адам положительно падал с ног. Они пробыли в Кloverдейле двадцать четыре часа; коттедж был заставлен коробками с вещами, дети ссорились, а Зак еще и сшиб с подоконника полный стакан «Райбины» прямо на ковер. Адам побежал покупать моющие средства, оттер ковер и оставил высыхать. Матрац Зака он отволок в спальню Зоэ, к ее вящему неудовольствию, и теперь, лежа на диване, слышал, как они препираются. Он не понимал, почему дети не могут еще одну ночь переночевать бок о бок, ведь в Лондоне они три года делили одну комнату. С другой стороны, покинув Австралию в одиннадцать и шесть лет, они держались вместе, а теперь Зоэ подросла, и хорошее, судя по всему, закончилось.

Споткнувшись о коробку в коридоре, Адам выругался сквозь зубы и отпихнул ее с дороги. Затем пнул другую коробку и третью, вымещая пинками досаду и тяжелую обиду на все, что произошло в его семье.

Выпустив пар, он посидел минуту в кухне, стараясь овладеть собой и глубоко дыша, и пошел наверх разнимать детей.

Видимо, от усталости он ступал так тихо, что мягкие шаги не насторожили сына и дочь, и прежде чем открыть дверь в нынешнюю комнату Зоэ, Адам остановился и прислушался, невольно улыбнувшись: они уже играли в игру, где один выстукивал на стене мотив из телесериала, а другой угадывал мелодию. Адам выслушал два раунда: Зоэ пробарабанила тему из «Соседей», которую Зак тут же отгадал, а Зак изобразил саундтрек из «Звездных войн», и Зоэ не нашла ничего лучше, чем отругать братишку за то, что он выбрал чересчур мальчишечье, которое ей в жизни не угадать. Адам уже хотел войти и пожелать спокойной ночи, когда услышал вопрос сына:

– Зоэ, как ты думаешь, это теперь наш дом?

– Конечно, наш, раз папа его купил! Ну ты и Дамбо!

– Не обзывайся!

– Ладно, прости.

Значит, устала, раз извиняется, подумал Адам. В основном Зоэ терпела Зака, но иногда принималась с ним нянчиться, заботясь о младшем братишке, и смотреть на это было умильно. Адам гадал, насколько переволновался Зак после нового переезда и не начнет ли снова мочиться в постель, как сразу после неожиданного отъезда (по сути, бегства) из Австралии. Эта неприятность то прекращалась, то начиналась опять. В какой-то момент Адам пытался надевать Заку на ночь подгузники, но Зак вопил и категорически отказывался – он не маленький, и отцу раз за разом приходилось стирать простыни, а то и одеяло. Сейчас Зак не мочил постель почти три месяца, и Адам скрестил пальцы, чтобы и сегодня сын не оплошал.

– И чтоб во сне не говорила! – заявил Зак, и Адам не удержал улыбки. Он обожал подслушивать болтовню своих детей. Наедине друг с другом они говорили как обычные дети, когда некому было их одергивать и им не приходилось держать лицо.

– Не говорю я во сне!

– Говоришь!

– Тише, Зак. Я устала. – Зоэ тоже не избежала эмоциональной встряски. Она не мочилась в постель, но после отъезда из Австралии ее мучили ночные кошмары и она с криком просыпалась. Адам спешил к ней и обнимал, укачивая. К счастью, Зоэ сразу засыпала, будто ничего и не случилось, и почти не задавала вопросов, и кошмары вскоре прекратились. А может, и нет. Может, Зоэ до сих пор видит во сне плохое, просто уже не рассказывает отцу.

– Зоэ...

– Спи, Зак.

– Зо-Зо...

– Не смей меня так называть!

О Господи. Адам однажды попробовал назвать дочку детским прозвищем и получил такую же яростную реакцию. Бедняга Зак. Наверное, перевозбужден после сегодняшнего переезда и подсознательно пытается ухватиться за то единственное, что ему знакомо, – за разговор с сестрой. Адам подозревал, что Зоэ порой забывает – брату всего девять. С другой стороны, ей самой всего четырнадцать. Не самый подходящий возраст для того, что им довелось пережить.

– Зоэ, а почему мама нас не хочет видеть?

– Зак, я не знаю. – Голос Зоэ дрогнул, но Адам чувствовал, что она сдерживается перед младшим братом.

– Она нас больше не любит?

– Не знаю.

– Ты ничего не знаешь!

– Спокойной ночи, Зак.

Зак не ответил, и теперь Адам почти не сомневался, что утром ему снова придется стирать постельное белье.

Неделю спустя солнце, проникавшее в окна коттеджа «Лилипут», пробудило Адама от крепкого сна, которым он наслаждался после переезда. Переезжать всегда сложно, но покупка дома и обретение долгожданной стабильности (или хотя бы надежды на стабильность) сделали свое дело. Зоэ ни разу не просыпалась от собственного крика, постель и матрац Зака по утрам были образцово сухими. Дети прекрасно осваивались на новом месте, и Адам знал, что ради них он обязан постараться сделать то же самое.

Он взял на работе несколько выходных и посвятил себя семье. У них не осталось ни одной свободной минуты, а еще предстояло купить школьную форму, учебные принадлежности – от ручек и карандашей до транспортиров, калькуляторов и новеньких пеналов – и разузнать короткую дорогу до школы, на машине и пешком. Дети уже успели завести друзей: когда они вернулись записываться в библиотеку, Зоэ разговорилась с девочкой Авой, немедленно подружившись на всю жизнь, а Зак на детской площадке в парке познакомился с мальчиком Арчи. Тут же выяснилось, что мама Арчи – Дженнифер, хозяйка библиотеки общих вещей, которая без промедленья взяла Адама в оборот, заручившись его согласием помочь с ее стартапом.

В пристройке, где была устроена библиотека вещей, Адам блеснул своей квалификацией мастера на все руки, собирая стеллажи для хранения, и помог втащить письменный стол, пока Зак и Арчи на парковке гоняли мяч. Церемония открытия была запланирована на сегодня, и после толики убеждения со стороны Дженнифер Адам согласился поучаствовать: пришла пора знакомиться с Кloverдейлом и становиться в городке своим (пинта пива в одиночестве в углу паба не считалась).

Приятной стороной жизни в Лондоне было то, что им никто не задавал вопросов; соседи были заняты собой и не ждали, что семейство Паркер станет что-то объяснять. Адам понимал, что в тихой провинции иной уклад, но если местные тактично не станут совать нос в его дела, все будет замечательно. Элейн он обходил стороной, но чувствовал, что ее распирает от любопытства и вскоре она не утерпит.

А этого допустить нельзя. Меньше всего Адам хотел, чтобы правда о том, что он сделал, вышла наружу.

2. Дженнифер

Дженнифер отперла первую желтую дверь – снаружи вовсю светило солнце, на небе не было ни облачка – и сложила секции-гармошки до самой стены. Во время ремонта этой пристройки, объединившей четыре ветхих неиспользуемых гаража, тянувшиеся вдоль парковки главной библиотеки Кloverдейла, и пару лавчонок, в стенах пробили высокие окна, чтобы извлечь максимум из естественного освещения, и сейчас все внутри купалось в солнечном свете.

Проект библиотеки общих вещей стал для Дженнифер точкой приложения энергии. После испытаний, которые, по ее милости, пережили ее близкие восемь лет назад, она смирилась с ролью домохозяйки и матери троих детей, но с некоторых пор ей отчаянно не доставало новой цели, и в прошлом году, гостя у подруги в Кристал-Палас, она решила, что ответ найден. Подруга пролила вино на ковер и потащила Дженнифер в ближайшую библиотеку, часть которой занимала библиотека вещей. Ее основательница, Ребекка, как раз заканчивала презентацию для тех, кто мог заинтересоваться применением этой концепции в своей округе. Пока подруга одалживала паровую швабру, Дженнифер записалась на следующую лекцию, и идея начала зреть.

Из лондонской библиотеки общих вещей она вышла, слегка опьянев не только от выпитого вина, но и от мысли, что она сможет открыть в Кloverдейле нечто подобное. Две недели спустя у нее было достаточно информации и твердая уверенность, что уж этот проект сработает. Кloverдейлу непременно нужно вернуть чувство общности, атмосферу добрососедства, которую с таким восторгом вспоминала ее мать. Из-за модернизации и повседневных хлопот эта атмосфера начала рассеиваться, и Дженнифер очень хотелось видеть Кloverдейл прежним, с его зеленым раздольем, утиным прудом за белым штaketником, пабом с деревянным балочным потолком и игрушечно-красивыми коттеджами невообразимых цветов и размеров. В Кloverдейле была своя хлебопекарня, своя почта, закрытия которой Дженнифер очень не хотелось, и детская игровая площадка, занимавшая часть луга. Словом, это был дом, милый дом.

После второй встречи с Ребеккой Дженнифер вышла со своим предложением на владельцев фермы Буддлея – прекрасных обширных угодий в окрестностях Кloverдейла с обнесенным каменной стеной садом, фонтанами, пышными деревьями и живописным озером в окружении вековых дубов. Много поколений ферма принадлежала одной семье, славившейся своей филантропией: владельцы Буддлея поддерживали ряд крупных благотворительных фондов. Заручившись их поддержкой, Дженнифер обратилась в кloverдейлский муниципалитет, и этого оказалось достаточно, чтобы дело пошло.

И сегодня библиотека общих вещей, гостеприимно распахнувшая ярко-желтые двери, вот-вот должна была стать реальностью. Даже небо расщедрилось на погожий день для торжественной церемонии открытия, чтобы кloverдейлцы могли прийти и поглядеть, что тут за новости.

Общие вещи расставили на полках открытых пристенных шкафов. Здесь было все: от газонокосилок до секатора с механическим приводом для стрижки живой изгороди, от отпаривателя обоев и пневматического молотка до бойлера. Большинство вещей были новенькие, купленные с огромными скидками, а то и вовсе подаренные библиотеке щедрыми розничными аутлетами, к которым обратилась Дженнифер. Кое-что пожертвовали и сами кloverдейлцы – и нужное, и ненужное. Когда Дженнифер начала рассказывать соседям о своих планах и почему она красит двери пристройки, люди понесли старые абажуры, настольные игры с недостающими фишками, неполные головоломки и даже сломанный проектор и кухонный комбайн, настолько древний, что им было небезопасно пользоваться. Дженнифер не собиралась под-

вергать опасности здоровье будущих клиентов библиотеки, поэтому она вежливо отказывалась от иных даяний ввиду их непригодности. А среди полезных оказались новенькая швейная машина, отданная Белиндой, местной жительницей и тоже домохозяйкой (ее дети учились вместе с детьми Дженнифер). Будучи по специальности портнихой, Белинда в свое время выгодно приобрела лишнюю швейку. Местный плотник Уэсли принес дрель, которую получил на Рождество от папаши – он купил себе точно такую же и не решился признаться в этом отцу, который был невероятно горд своим выбором. Дэнни, владевший пабом на пару с Мелоди, принес набор сучкорезов, который купил на распродаже в скобяной лавке и всего разок им воспользовался. Дэнни объяснил Дженнифер, что ему незачем держать сучкорезы у себя: деревья вокруг уличных столов можно не обрезать еще минимум год, а когда потребуется, Дэнни с радостью расстанется с парой монет и одолжит сучкорезы.

– Добрый день, – сказал Адам, первым появляясь на пороге, когда Дженнифер отперла оставшиеся секции и начала их складывать гармошкой, открывая библиотеку общих вещей во всей красе. – Позвольте мне. – И, как истинный джентльмен, он сам взялся за дело.

– Спасибо, Адам. – Дженнифер выглянула наружу, где уже появились люди. Винтажная тележка мороженщика, поставленная у входа библиотеки, успела собрать толпу. Гирлянды разноцветных флажков, натянутые между столбиками по обе стороны парковки, покачивались на ветру, и к барбекю тоже было все готово. – Не раздумали еще продавать хот-доги?

Она предложила ему должность продавца в порядке помощи, чтобы Адаму проще было стать своим в Кloverдейле и перезнакомиться с местными: что может быть лучше, чем подавать еду народу? Осваиваться на новом месте всегда сложно. Ее Арчи очень подружился с Адамовым Заком, и Дженнифер надеялась, что Паркеры в Кloverдейле надолго.

– Место уж очень хлебное, – отшутился Адам. – Я обещал Заку и Арчи по десятке за помощь. Они могут вкладывать сосиски в роллы, раздавать салфетки, принимать заказы, пока я готовлю. А Зоэ и Ава – не бесплатно, разумеется, – согласились принимать деньги и вытирать столики.

Когда Адам позвал Зака и Арчи помочь вынести булочки, сосиски и прочие припасы, Дженнифер в сотый раз вытерла свой письменный стол, смахнув невидимые пылинки, и, глубоко вздохнув, вышла на улицу. Вот и пришло время начинать проект, над которым она столько трудилась; пора ознакомить с ним весь Кloverдейл и доказать, как удобно и хорошо всем теперь будет.

Обратившись к собравшимся с импровизированной трибуны – невысокой кухонной стремянки, – Дженнифер начала с самого сначала. Она рассказала о первой библиотеке вещей в Кристал Пэлас, как это работает и какую концепцию она предлагает сейчас. Дженнифер говорила недолго – она понимала, что людям не терпится войти и все увидеть своими глазами. Аромат шипевших на гриле сосисок разносился по парковке, и дети в толпе уже начали вертеться, торопясь занять очередь и не остаться без угощения.

– Ну что, классно. – Местный житель по имени Билл первым вошел в библиотеку общих вещей вслед за Дженнифер и первым оформил прокат. Он явился за пылесосом для листьев, который отец Дженнифер получил на день рождения три года назад. Отец вскоре скончался, и пылесосом ни разу не пользовались. Раньше Дженнифер жаль было бы расстаться с этой вещью, но отец, не колеблясь, одолжил бы пылесос. Такой уж он был человек – всегда готовый по-соседски прийти на помощь. – А теперь что делать надо? – спросил Билл, оглядывая плакат, который Дженнифер повесила на стену над столом, с перечнем вещей и цен.

Дженнифер коротко повторила принцип работы библиотеки, указывая в процессе объяснения на стеллажи, хоть и понимала, что на первых порах придется повторять по многу раз.

– Вы выбрали пылесос для листьев; оставьте его к стенке, и я вам покажу, что мы делаем в компьютере. Можно зайти на сайт из дома и зарезервировать вещь или прийти сюда, и я все сделаю за вас.

Она спросила, на сколько дней нужен пылесос. Они оформили заказ, и Билл понес пылесос домой, заверив, что вернется за сосисками, пока они не кончились.

Элейн унесла с собой давно присмотренную хлебопечку, едва не бегом кинувшись к вожденной вещи, потому что вокруг нее уже ходила домохозяйка Рут. Фиона из магазина на углу одолжила ракетки и воланы для бадминтона, а недавно вышедшая замуж Эрин взяла на три дня вафельницу. Адам, по окончании торговли, намеревался взять домой паровую швабру и попробовать привести в порядок ковер в комнате сына. Пятно он вывел, но чистое место составляло теперь контраст с никогда не чищенным ковром.

Дети прекрасно управлялись с сосисочной торговлей – хорошо, что Адам, по совету Дженнифер, набрал помощников. Ее младшая сестра Айла тоже обещала помочь, но, как обычно, думала только о себе: утром она прислала два сообщения с извинениями, что отъедет заменить преподавательницу йоги, слегшую с желудочным гриппом, в одиннадцати милях от Кloverдейла и к Дженнифер все равно опоздает, потому что пользуется только общественным транспортом.

Ну и пожалуйста. Дженнифер решила не портить себе настроение в такой торжественный день. Не в первый и не в последний раз ее подводит родная сестра... Библиотека общих вещей успешно стартовала и без нее; пусть Айла действительно помогает кому-то еще. Просто немного обидно, что родственники для нее на последнем месте.

Запретив себе расстраиваться из-за ветреного характера сестры, Дженнифер скрывала досаду и улыбалась, когда Адам смешил своих помощниц. Арчи с Заком острили, что Ава с Зоэ слушают его, как дрессированные.

Все шло хорошо. Проект непременно приживется в этом месте.

Спустя две недели библиотека общих вещей стала не только точкой проката, куда люди приходили одолжить всякую всячину, но и местом, где можно было поделиться своими заботами и найти поддержку. Именно к этому Дженнифер и стремилась.

– Утро доброе, Дженнифер! – Недавно овдовевший Билл всей душой принял ее проект задолго до того, как просохла желтая краска на дверях. Он был членом местного совета, и Дженнифер подозревала, что Билл своим авторитетом продал разрешение на скорейшее открытие библиотеки.

– Что это у вас? – кивнула она на большую коробку, которую Билл поставил на стол, где Дженнифер проверяла возвращаемые лоты, прежде чем вернуть их на положенное место на полках.

– Швейная машинка Ронни.

– Решились посетить урок швейного мастерства? – Дженнифер мечтала проводить тут практикумы для местных жителей, где их обучали бы новому или совершенствовали имеющиеся умения, заново объединяя кloverдейлцев. У нее уже было на примете несколько идей, и начать она намеревалась со швейного практикума.

– Не хочу показаться нелюдимым, но шитье не для меня. Вот, подумал, принесу-ка я вам хоть машинку, что ли.

– Это очень любезно с вашей стороны, но не забывайте, учиться новому никогда не поздно. Вы сами можете воспользоваться машинкой Ронни. Другие придут со своими, если у них есть.

– Ронни в гробу перевернется, если я дотронусь до ее драгоценной швейки, – усмехнулся Билл. – Сегодня я, наверное, все же пропущу, но сразу хочу записаться на курсы владения дрелью для новичков. Я уже купил себе дрель с множеством насадок, а инструкция в меня не заходит.

Дженнифер открыла в компьютере календарь, нашла нужный семинар, запланированный через два дня, и записала Билла как участника.

– Этот тренинг ведет Адам Паркер.

За практикумы участники платили чисто символически. Взносы шли на эксплуатационное обслуживание прокатных вещей – покупку чистящих средств и запчастей, если что-то ломалось, и на оборудование маленькой кухоньки в подсобке.

– Не знаю, что и думать об этой семье.

– О Паркерах? Хорошие люди.

– Да я вижу, что не плохие, но уж больно себе на уме.

– А в чем это проявляется?

– Мы же ничего о них не знаем. Этот Адам в разводе? Разошелся с женой? Вдовец? А может, он гей?

– Билл, я не считаю, что сплетни – достойное занятие.

– Тут я спорить не стану. Но я видел его пару раз в пабе – сидит в углу, в глаза не смотрит, и вид у него такой, будто вся тяжесть мира лежит у него на плечах.

– Я стараюсь побольше привлекать его к делу. Может, он и вылезет из своей раковины, когда получше узнает наших кловердейлцев.

– Может, и вылезет. Вообще он вроде ничего мужик, пусть научит, как пользоваться дрелью. Мы не дадим ему прятаться от нас вечно.

– Не дадим, – засмеялась Дженнифер.

– Славная вы женщина, Дженнифер! Вы совершили благое дело, открыв эту библиотеку общих вещей. Такое заведение многим было нужно, включая меня.

Дженнифер пожала Биллу руку:

– Я очень рада.

– Прежде я и сам по хозяйству был мастак, – уже с иной интонацией заговорил Билли, боясь расчувствоваться. – Но баракло Ронни поставило на этом крест.

Покойная жена Билли страдала болезненной тягой к накопительству, и когда она умерла, Билли чуть не надорвался, расчищая дом в одиночку. Во дворе у него три дня подряд стоял новый мусорный контейнер, и Билл выносил туда вещи охапками. Дженнифер тогда окликнула его, решив, что он затеял ремонт, и Билл признался, как тяжело достались ему последние четыре года – не с кем поговорить, кроме жены, нет детей-помощников, некому выслушать его или Ронни. Он не меньше Дженнифер обрадовался ее новому проекту и пожертвовал библиотеке несколько новых, в коробках, вещей: набор отверток, бутербродницу, формы для выпечки, которые Ронни купила и ни разу не использовала. Дженнифер видела, что, прежде угрюмый, Билли значительно повеселел, подключившись к новому проекту.

– От души приглашаю вас и на швейный практикум, если передумаете, – сказала Дженнифер. – Занятие проводит Белинда. Если сегодня не получится, можно на следующей неделе.

– Ну, разве что на следующей... – Лоб Билли пошел морщинами. – А знаете, ведь мне бы не помешали новые портьеры. Пора, пожалуй, повесить те, которые несколько лет пролежали нераспакованными.

Дженнифер оперлась о стол. Вот для чего люди и будут сюда приходить – поделиться, облегчить душу, а не только взять что-то напрокат.

– Вы многое сохранили из имущества вашей супруги?

– Вы же видели контейнеры возле дома... Но коечто я не стал выбрасывать. Занавески – новенькие, прямо в пакете – просто загляденье: велюровые, длинные, шириной как раз на окно в гостиной...

– Тогда основы шитья вам просто необходимы.

Билл подмигнул:

– Может, я и поймаю вас на слове.

Может, и поймают, подумала Дженнифер.

– А что, деткам снова в школу? – спросил Билл, надевая твидовое кепи и готовясь уходить.

– Еще два дня – и на занятия. Я скучаю по ним, когда они на уроках. Особенно по Арчи, который еще любит пообниматься с мамой. – Дженнифер знала, что скоро этой материнской отраде придет конец: Арчи уже девять, а Амелии и Кэти и вовсе по шестнадцать. Все они на пороге больших перемен.

– Эх, чужие дети быстро растут... – Билл приподнял кепи на прощанье.

– Подумайте хорошенько о швейном практикуме! – сказала Дженнифер ему вслед.

Она вновь опустила на стул, радуясь работе: предстояло просмотреть в компьютере заказы и оценить обстановку. В чем-то библиотека общих вещей была ей нужнее, чем остальным. «Неплохо иметь хобби», – ответил ее муж Дэвид, когда Дженнифер рассказала о своем проекте. Только что по спине одобрительно не похлопал. Менеджер по продажам фармацевтической продукции, Дэвид пропадал на работе, но всякий раз, как в душе Дженнифер поднимался протест, она напоминала себе, какой он хороший муж – добытчик, надежный как скала, не бросил ее, когда она угодила в переплет. Многие пары живут гораздо хуже. Но, получается, они дожили до того, что перестали воспринимать друг друга как личности?

Когда Дженнифер познакомилась с Дэвидом, ее карьера в элитном салоне-парикмахерской в Эксетере шла в гору: она даже осмеливалась мечтать о собственном салоне. А Дэвид был просто серфером, которого она увидела на пляже в Корнуолле. Он тогда еще заканчивал учебу, но быстро нашел первую работу в фармацевтической отрасли. Дэвид не скрывал, что намерен подняться по карьерной лестнице как можно выше. Какое-то время они наперегонки карабкались вверх: честолюбивая жилка у обоих послужила своего рода магнитом. Однако после свадьбы, когда появились близнецы, пришлось выбирать – предстояло чем-то пожертвовать. Приостановив свою карьеру, Дженнифер поступилась частицей себя, которую так никогда и не вернула. Нет, она попыталась, но потерпела сокрушительную неудачу, одним махом едва не разрушив сразу несколько жизней.

Дженнифер целый час проверяла, готовы ли заказанные на сегодня вещи, рассеянно прокручивая в голове то, что Билл сказал о семье Паркеров. Они о себе не рассказывали, а Адам действительно будто язык проглатывал, стоило отпустить замечание или задать вопрос о его жизни до приезда в Кloverдейл. Но со временем он обязательно отгадет. Он уже проявил себя как хороший товарищ, умеющий при необходимости побыть «жилеткой». Собирая стеллажи, он сочувственно слушал жалобы Дженнифер на заносчивость и неблагодарность дочерей-подростков, которые не ценят того хорошего, что имеют. Вместе с Адамом они прошли насчет учительницы Арчи и Зака, чрезмерно строгой и даже грубоватой для начальной школы, хотя мальчишкам, конечно, не помешает твердая рука. По таким разговорам Дженнифер, не имея ни подруг, ни работы, буквально истомилась душой и очень радовалась, что Паркеры появились в Кloverдейле, что бы их сюда ни привело.

Открыв коробку с машинкой для приготовления лапши, она сверилась со списком насадок, проверяя, все ли на месте. Машинку решила одолжить Фреда Ливингстон: ее дочь мечтала стать шеф-поваром, и паста стала ее последним увлечением.

– Не хочу зря тратиться – вдруг у нее интерес пропадет через несколько дней, – объяснила Фреда, забежав узнать, какая кухонная техника есть в наличии. Приличная машинка для пасты стоила минимум тридцать фунтов, а тут Фреда получит ее меньше чем за пятерку; попробует и определится, нужна ли им такая. Еще она заказала набор ярких тарелок для пасты, чтобы дочери казалось, будто она устраивает званый ужин, потчует своей стряпней всех домашних.

Следом явился двадцатидвухлетний Мейсон с коробкой, полной винных бокалов.

– Как прошла вечеринка?

– Суперски.

– Рада слышать.

– Мне подождать, пока вы их проверите? Я ни одного не разбил, все вымыл и перетер. Из молодежи Кloverдейла мало кто что-нибудь одалживал, но Дженнифер хотелось верить, что начало положено.

– Я уверена, что все в порядке. Можешь идти.

Мейсон поблагодарил и пошел к выходу. Когда Дженнифер перебирала бокалы, удовлетворенная, что их можно выставлять на полку для следующего клиента, пискнул мобильный – Айла прислала сообщение, что уже едет за точечным светильником, который зарезервировала.

Сестры разительно отличались друг от друга не только характером. Дженнифер унаследовала от матери роскошные черные как смоль кудри, в которых не появилось ни единого седого волоса, хотя в будущем году ей сравняется сорок лет; а Айле досталась ярко-рыжая отцова шевелюра, которая с возрастом наверняка поблекнет. Дженнифер пожертвовала карьерой и планами ради мужа и детей, а Айла, молодая, свободная, не обремененная семьей, объездила весь мир со своими танцами. Фразу «Я мир, как устрицу, мечом открою» классик, наверное, написал после знакомства с такой, как Айла. А ведь когда родители стали немощными, ухаживала за ними Дженнифер: Айлу было не дозваться.

А теперь сестрица вдруг возвратилась. Весной они похоронили мать, и Айла-путешественница показала, наконец, в Кloverдейл свое ясно личико. Семейное гнездо, где прошло детство сестер и всю жизнь прожили их родители, было завещано поровну Дженнифер и Айле; вскоре с ним предстояло что-то решать. Для начала договорились, что Айла поживет в коттедже и приведет его в мало-мальски приличное состояние, а уже потом подключат риелторов. После оценки подновленного дома можно будет заводить серьезный разговор.

Айла явилась в библиотеку общих вещей вскоре после своего сообщения, забрала светильник и заплатила за прокат.

– Для чего он тебе? – не выдержала Дженнифер. Боже упаси выговаривать Айле за ветренность и ненадежность: сестрица может снова упорхнуть в голубые дали, а если родители чего и хотели, так это чтобы их дочери жили дружно. После всего, что, по милости Дженнифер, натерпелись родственники, она считала себя обязанной уважить последнюю волю отца и матери, поэтому спрятала характер и держалась любезно. – Неужели ты снова занялась танцами?

С детства Айла видела себя только танцовщицей. Она сооружала себе сцену и с упоением выступала для соседей, расставив вдоль края настольные лампы вместо прожекторов.

Дженнифер не ожидала, что ее вопрос о внезапно прекратившихся танцах заденет Айлу за живое, но, судя по тому, как сразу напряглась сестра, так и вышло. Кажется, Дженнифер вообще лучше молчать, чем пытаться завязать разговор.

– Нет, я хочу разобрать чердак. Пробовала подсвечивать себе с помощью мобильного приложения «фонарик», но от телефона света недостаточно, – объяснила Айла с такими нотками в голосе, будто Дженнифер задала невероятно глупый вопрос. – А этот светильник позволит все разглядеть с предельной четкостью.

– Занятый ты сегодня не ведешь?

Дженнифер старалась избегать любых вопросов, способных вывести из себя вспыльчивую Айлу. Сцен ей не хотелось.

– Сегодня нет.

– А как вообще этот бизнес?

Айла с лету заводила полезные знакомства – деловой хватки у нее оказалось куда больше, чем Дженнифер могла предположить, и преподавание йоги вместе с частными уроками приносило реальные деньги. Айла даже заговорила об открытии собственной студии в Кloverдейле или поблизости, насмерть удивив Дженнифер, которая помнила, что сестрица и пяти минут не в состоянии просидеть на одном месте.

– Если это подковырка насчет того, что я не помогла тебе с открытием...

– Нет-нет! – Положительно, этот разговор добром не кончится. – Стоп, но мама же очистила чердак много лет назад?

– А ты помнишь, как мы строили домик в старом угольном погребе в саду?

Дженнифер на мгновение охватила печаль от того, что родителей уже нет в живых.

– Разве можно такое забыть! Ужасная гадость. Как это я согласилась в этом участвовать... О чем ты только думала, когда натащила туда улиток и всяких букашек!

– Так вот, мама, может, и считала, что чердак пустой, но, учитывая слой пыли за шкафом, под кроватью и в кладовке, головой не поручусь. Надеюсь, улиток там не будет, – подмигнула Айла, на мгновение снова став беспечной рыжеволосой озорницей. – Я решила начать уборку сверху. Если что, сор будет сыпаться вниз, не придется мыть лишний раз... А новый интерьер оставлю на десерт.

– Вряд ли тебе хватит шнура от светильника, возьми еще удлинитель. Если не понадобится, вернешь бесплатно, а так – два фунта в день.

– Дженнифер, я в состоянии разориться на два фунта. – Айла выложила на стойку пятерку и сунула удлинитель в коробку к светильнику. – Всего хорошего.

И вышла пружинистой походкой и с улыбкой на лице.

Айла, самая младшая в семье, своенравная, неукротимая, ветреная – и вдруг вернулась в Кloverдейл! Вопрос в том, надолго ли на этот раз... и что заставило ее вновь здесь появиться?

3. Адам

Захлопнув входную дверь, Адам бегом побежал к машине. Невероятно: отдыхали от школы шесть недель, но в первый день занятий все-таки опаздывали! Зоэ и Зак щеголяли в новенькой форме; имелись и учебные принадлежности, и спортивная форма на случай, если в первый день случится физкультура, и ботинки блестели так, как они блестят у школьников только в начале первой четверти (этот блеск быстро сойдет на нет, если Адам не возьмется за щетку), но он не учел время на сборы, завтрак, который пришлось глотать не жуя, очень громкую и язвительную ссору между Зоэ и Заком по поводу того, сколько можно занимать единственную ванную, и в довершение всего Адам долго не мог найти ключи. Опыт переездов у него имелся – в свое время они переехали дважды за короткий промежуток времени, но привезенные в коттедж «Лилипут» вещи в основном стояли неразобранными, и Адам машинально положил связку ключей на неоткрытую коробку, когда вчера они с Заком вернулись после предварительного знакомства с учительницей. Он уже готов был отправить детей в школу своим ходом и трусить рядом, когда задел коробку ногой и ключи звякнули внутри, сообщив, что провалились между клапанами.

– Мне казалось, меня уже можно не возить в школу и обратно, – начала Зоэ, едва они уселись в машину. Заняв пассажирское сиденье, дочь отвернулась к окну с мрачным, как сегодняшнее утро, лицом. Не самое лучшее начало.

– Эй, а кто стонал в конце той четверти, что приходится ходить в школу под дождем? Сегодня у тебя первый день в новой школе, я работаю из дома и решил оказать своим детям услугу. Спасибо, что оценила!

Иногда Адам и сам удивлялся, что реагирует как строптивый подросток, но трудно быть образцовым папашей, когда ты отец-одиночка.

Зоэ смущенно кашлянула – стало быть, раунд остался за Адамом. Он уже усвоил, что подростки думают только о себе, совершенно не принимая в расчет окружающих, и не всегда задумываются о последствиях. Неужели и он когда-то был таким невыносимым? Видимо, да.

По приезде в Кloverдейл Адам сначала беспокоился, что типичная английская провинция с ее картинно-красивыми домиками и кривыми улочками им не подойдет: вдруг дети сочтут ее слишком маленькой? Улица, на которой стоял коттедж «Лилипут», лентой вилась через поселение, а на окраине расходилась в разных направлениях, соединяя Кloverдейл с соседними городками. Но за лето перед коттеджем расцвели маргаритки и лаванда, улочки превратились в пышный благоухающий букет, и Адам по-настоящему полюбил Кloverдейл и в душе робко надеялся остаться тут навсегда.

За пабом он свернул налево: вход в паб был с тонким расчетом оформлен подвесными корзинами с цветами самых аляповатых, цеплявших глаз оттенков. Адам осторожно ехал по узкой улочке, высматривая встречные машины, заслоняемые густыми, роскошными живыми изгородями, огораживавшими и переезд через небольшой ручей. Вдоль дороги кружевными зарослями тянулся лесной купырь, сгибаясь под бременем обильных после необычно теплого лета белых цветов. Скоро дни станут короче ночей, цветы и листья пожухнут, и Кloverдейл накинёт свое зимнее пальто из замороженных в камень тропинок и живописных заиндевших пейзажей.

По дороге Адам боролся с желанием спросить дочь, взяла ли она свою инсулиновую шприц-ручку и запасные картриджи. Он знал, какую реакцию вызовет этот вопрос: вытаращенные глаза и яростную отповедь, что она не ребенок. У Зоэ два года назад нашли инсулинозависимый диабет первого типа, и жизнь снова резко переменилась. Но сегодня, как понимал Адам, ему предстояло волноваться издалека.

– Я бы тут вышла, подышала воздухом, – сообщила дочь, когда за окном стали попадаться стайки школьников, идущих в одном направлении.

– Я не буду останавливаться.

– Но я же подросток, воздух и физическая нагрузка полезны для моей психики!

Пререкания и последнее слово в споре не значились у Адама в списке любимых сторон родительской доли. У Зака переходный возраст еще не завтра, и Адам надеялся, что после Зоэ успеет получить передышку, прежде чем и сын начнет играть у него на нервах.

– Ага, ты тогда не будешь такая унылая, – съязвил Зак с заднего сиденья.

– Закрой рот, козел! – вскипела Зоэ.

– Зоэ, не говори брату такие слова. – «И вообще никому не говори», – прибавил Адам про себя, чувствуя, как лоб прорезала глубокая морщина. Он включил поворотник и свернул на Т-образном перекрестке. Или эта морщина уже не изглаживалась до конца? В сорок лет Адам впервые спохватился, что время не стоит на месте: каштановые волосы поредели, и виски, как он заметил в кресле у парикмахера, начали седесть. Чего доброго, так и вся жизнь мимо пройдет.

– Прости, пап. – Зоэ искоса взглянула на него и через силу улыбнулась. – А ты скоро поговоришь с Авиной мамой насчет переделки моей комнаты?

А-а, ей чего-то надо! Вот откуда эта неожиданная покладистость.

– Вечером я буду в библиотеке общих вещей. Если Виола зайдет, я с ней поговорю.

Он еще не вполне разобрался с этой Виолой; из двух мамаш, с которыми он познакомился через своих детей, она казалась более нервной и взвинченной, но общалась охотно и держала свою Аву на коротком поводке, что отнюдь не казалось Адаму чем-то плохим.

– Ава говорила, у Виолы целое портфолио в «Инстаграме»! – оживленно тараторила Зоэ: разговор свернул на интересную ей тему. Виола работала в агентстве по подбору персонала, однако питала слабость – и обладала талантом – к дизайну интерьеров. – Я-то портфолио не видела, потому что у меня же нет аккаунта в «Инстаграме»... У меня папа никак не решит, достаточно ли я взрослая для соцсетей.

– Сарказм – не лучшее твое качество, Зоэ.

– Попытка не пытка, – буркнула дочь. – К твоему сведению, мне уже четырнадцать!

Не обращая внимания на подколку, Адам ответил:

– Я поговорю с Виолой и погляжу, что можно сделать.

Четырнадцать лет принесли с собой апломб и ершистость, заставлявшие с сожалением вспоминать о покладистой малышке, чьи шутки вызывали у Адама неподдельный восторг, и о девчужке, которая прибегала посидеть с папой на диване за книжкой. Сейчас Зоэ продиралась через подростковый период к брезжившему на горизонте расцвету юной женственности. Ей враз опротивели танцы, театральные кружки и плавание. Теперь ей подавай только общество подруг, а родной папа в одночасье превратился в антагониста, а заодно и в таксиста.

– Скоро моя очередь на твоём месте сидеть! – дразнил ее Зак, когда они влезли в извилистую очередь машин, направлявшихся к начальной школе. Небось еще и коленом надавил на спинку сиденья, чтобы окончательно взбесить сестру.

– Ты все взяла? – спросил Адам у Зоэ.

– Если ты про инсулиновую ручку, то да, папа, взяла!

Адам хотел возразить, но раз его хитрость разгадали, отнекиваться не было смысла.

Не успел он толком остановиться, как Зоэ сбросила ремень безопасности, буркнула «пока» и выскочила из машины. Адам помахал Аве, которая, видимо, поджидала Зоэ, чтобы вместе пойти мимо «началки» к старшей школе. В отличие от дочери Зак на прощанье обнял отца, за что Адам остался искренне признателен. Ох как скоро мальчишка тоже будет пулей срываться с сиденья, едва они остановятся у школы...

Адам уехал с грустью в душе, что у Зоэ и Зака снова начались занятия. Позади было прекрасное лето, наполненное прогулками и играми: Англия, будто исполняя договор со своей

стороны, не только подарила им вдоволь солнца, но и удержалась от затяжных дождей. Они жили в кемпинге в Чилтерне, в красивейшей заповедной зоне, тянувшейся на много миль, и заново познавали простые радости жизни: играли в карты при свете фонаря, готовили на походной плитке, играли во фрисби, катались со склонов холмов и наперегонки взбегали обратно – почти забытые развлечения в век современных технологий.

А еще это была возможность побыть с Зоэ, которая так отдалилась от отца, что он никак не мог ее нагнать. После постановки диагноза она прошла весь стандартный спектр эмоций: гнев, обида, поиски виноватого. Это было абсолютно нормально, по словам врача, у которого они консультировались. Про себя Адам только радовался, что Зоэ быстро перешла к принятию и научилась вовремя делать себе инъекции. Он гадал, может, отчасти в отчуждении Зоэ сыграло роль ее решение самостоятельно справляться с проблемой – она теперь постоянно стремилась все делать сама, но коль скоро у нее все получалось, Адам не возражал. Лишь бы дочка была здорова и счастлива.

Иногда он жалел, что к детям не прилагается учебник для одиноких папаш. Пока Зоэ и Зак не докучали ему расспросами о своей матери, Сьюзен, но Адам сознавал, что не сможет всю жизнь уходить от ответов. В Зоэ накопилось много неприятия и раздражения, особенно по поводу недоверия папы к соцсетям, но Адам запрещал это не из деспотизма и вовсе не считал дочь незрелой; на самом деле ему хотелось подольше держать детей в неведении. Правда могла растерзать им сердца; абсолютная честность могла выставить его в глазах детей дурным человеком, и Адам боялся навсегда лишиться их уважения.

Приехав домой, он сел с ноутбуком за круглый стол в столовой и открыл окно, чтобы по комнате танцевал прохладный ветерок. Адаму не хватало кондиционера, который так легко включить, если жарко. В этом коттедже будет хорошо зимой, но в летние месяцы он буквально раскалялся, как чертова сковородка.

Ландшафтный архитектор, Адам любил свою работу и общение с клиентами и коллегами, но такие дни, как сегодняшний, когда можно без помех сосредоточиться, составить смету расходов и подготовить чертежи для нового проекта, были редким праздником. Адам справился гораздо быстрее, чем ожидал; часам к четырем ему стало нечем заняться. Утром он предложил детям встретить их из школы, но и Зоэ, и Зак хотели пройтись с друзьями, и Адам чувствовал, что настаивать не стоит. Ему это было не по душе, но сегодня он, так и быть, смолчит.

Перекусив на кухне, он отправился в библиотеку общих вещей поглядеть, все ли готово к вечерним курсам.

Когда его попросили помочь на открытии, он согласился, хотя его первой реакцией на идею Дженнифер было «это никому не нужно» и «затея вскоре лопнет». Видимо, в нем говорил накопившийся негатив, потому что пока все шло как нельзя лучше. В поселке только и разговоров было, что о библиотеке вещей, когда Адам гулял по Кloverдейлу, брал пинту пива в местном пабе или читал местную газету, где тоже не обошли вниманием новое начинание.

Дженнифер призналась ему по секрету – ей хотелось, чтобы Кloverдейл стал иным. Она надеялась, что местные жители вновь начнут останавливаться поговорить друг с другом, и из кожи вон лезла, чтобы привлечь к делу и Адама. Она упросила его провести сегодняшние занятия, и, хотя первым побуждением Адама было отказаться, Дженнифер ему импонировала. Он оказался перед выбором: проявив толику энтузиазма, стать в городке своим или же превратиться в одиночку, ничем не интересующегося, помимо семьи и работы.

Улыбка Дженнифер отразилась в ее добрых карих глазах, когда она поздоровалась с Адамом, но ее ответ его огорчил:

– Виолы нет, она придет завтра.

– Попытаюсь тогда застать ее завтра.

Придется, иначе Зоэ не угомонится.

– Как я рада, что вы оказались таким активным участником! – сказала Дженнифер. Ее волосы были скручены в узел на макушке, открывая шею: день выдался теплый, почти жаркий. Адам тоже отдал предпочтение джинсам и футболке, торопясь захватить напоследок солнышка, пока осень не вступит в свои права. – Так вы и с местными перезнакомитесь, и мне поможете.

– Вчера я уже пил пиво с Биллом: он сказал – нехорошо, что я сижу в пабе в одиночестве. Он засмеялся, увидев мои мокрые кроссовки: я не учел глубину лужи напротив пекарни. Дождь длился всего полчаса, но воды хватило насквозь промочить ноги. Билл пообещал, что теперь я накрепко запомню.

– Сущее безобразие! Всякий раз в дождь кто-нибудь забывает, какая глубокая набирается лужа. Может, однажды дорогу и починят...

– Пожалуй, эта дорога уже стала местной достопримечательностью. А что же это за городок – без достопримечательности?

– Ну, пожалуй.

– Билл что-то говорил о том, что хочет научиться подрубать шторы.

Дженнифер, не удержав улыбки, объяснила про швейные курсы.

– Нет, я покамест ограничусь дрелью.

– Тогда давайте готовиться. – Дженнифер повела его по длинному залу, скрывавшемуся за желтыми дверями-гармошкой; две створки были открыты ради сквозняка. В конце помещения был установлен стол, на котором Адам насчитал семь дрелей, все немного разные, но при близком рассмотрении оказавшиеся рабочими. Дженнифер объяснила, что от него требуется – требования были весьма просты и незатейливы, – попросила Адама сделать перерыв на чай с печеньем, а в остальном предоставила план занятия ему.

– Вот это все для вас, пользуйтесь. – Она указала на ящик с обрезками досок и металла и битым кирпичом.

– А вы сами не хотите научиться? Это совсем несложно.

– Вряд ли это мое, но спасибо за предложение. Сами-то вы придете с дрелью?

– Да, в Лондоне пришлось купить, чтобы кое-что починить в съемном жилье и не платить мастерам. При переезде я забрал дрель с собой.

Адам был благодарен, что Дженнифер тактично удержалась от расспросов, хотя они с детьми, наверное, самая загадочная семья из нагрянувших в Кloverдейл за последние сто лет.

– Сколько человек сегодня соберется? – спросил он.

– Семь, включая мою сестру Айлу.

– Вот молодец ваша Айла! Должно быть, вы рады, что она вернулась?

Адам уже знал, что младшая сестра Дженнифер долго отсутствовала и вдоволь напутешествовалась по свету.

– Признаться, я не знаю, что и думать. Ей решительно нечего делать в Кloverдейле, тут для нее тишь да глушь. Айла у нас женщина-праздник.

– Позволю предположить, что ей захотелось побыть с вами.

Дженнифер явно хотелось кому-то излить душу, и Адам присел на стол, глядя, как она пересматривает дрели, убеждаясь, что каждая должным образом вычищена и имеет инструкцию.

– У меня единственный брат живет в Западной Австралии. Поверьте на слово, иногда жизнь становится одинокой.

– Если одиноко – приходите в библиотеку общих вещей, – улыбнулась Дженнифер.

– Иногда по вечерам я бы все отдал, лишь бы пропустить с братом по кружке пива...

И, пожалуй, поговорить с ним начистоту о причинах, заставивших Адама все бросить, уехать из страны и начать жизнь заново.

– Да, вам приходится нелегко.

Адам пожал плечами. Он был не прочь поговорить о своей родне. Вот жены он предпочитал не касаться, а брат, родители, дальние родственники, тетушки и дядюшки – это пожалуйста.

– Когда-то мы с ним вместе перебрались в Австралию и несколько лет находились по крайней мере в одном полушарии. Надеюсь, он выберется сюда навестить меня. А откуда приехала ваша сестра?

– О, она где только не побывала. Работала в кафе в Амстердаме, в книжном магазине во Франции, официанткой в Италии. Понятия не имею, что она делала в Новой Зеландии, но в Квинсленде Айла служила телохранителем. Потом увлеклась йогой и преподавала в каком-то Байрон-Бей... Столько профессий сменила, что все и не упомнишь. – Дженнифер улыбнулась вошедшим Арчи и Заку.

– Привет, ребята. – Адам был счастлив, что они ходят вместе. Вдвоем безопаснее, и необязательно возвращаться тем же путем, каким он ехал утром; есть короткая дорога, которой срезают путь целые толпы детей и родителей. – Как школа?

Если энтузиазм возможно выразить количеством слов, то день у мальчиков выдался фантастический: они наперебой рвались рассказать самое лучшее. Адам надеялся, что у Зоэ первый день тоже прошел удачно.

– А не угостить ли мне вас мороженым?

Дженнифер взъерошила волосы Арчи.

– Прекрасная мысль!

Выйдя на улицу, Адам ощутил забытое удовлетворение, которое наступает, когда простые вещи дают тебе метафорического пинка, напоминая, как хорошо, что они у тебя есть: отзывчивость и добродушие, которые он встречал в Кloverдейле на каждом шагу, сияющее личико сына, когда Зак и Арчи, наевшись мороженого, лазали в парке по рукоходу, стоя раскачивались на качелях, взбирались по пожарному шесту и соскальзывали, спрыгивая прежде, чем ноги коснутся земли. Но в основном ощущение покоя на душе появлялось от сознания, что с Зоэ все в порядке, а присланное ею сообщение, что она уже дома, вернулась из школы, означало, что его сердце может биться как всегда и поводов для волнения нет.

Пока прошлое остается тайной для его детей и всего Кloverдейла, у них есть реальный шанс построить тут нормальную новую жизнь.

Вечером библиотека общих вещей стремительно заполнялась веселыми разговорами. Айла поспешно вошла последней, немного опоздав, и рассыпалась в извинениях.

– Не говорите Дженнифер, – прошептала она Адаму, засучивая рукава. – Она порицает всякую мешкотность и неорганизованность.

Адам медленно обходил стол. Он уже ознакомил собравшихся с порядком работы с дрелью и раздал задания. Филипп, единственный мужчина среди участников, нервничал больше всех; он явился узнать, как собрать компьютерный стол, чтобы не просить об этом отца. Элин, которая недавно вышла замуж и во что бы то ни стало хотела решать хозяйственные дела наравне с мужем (они делали ремонт в новом доме), громко чертыхнулась, уронив на ногу металлический обрезок. К счастью, она пришла в закрытой обуви, иначе дело могло обернуться плачевно. Кассандра, подрабатывавшая в местном пабе, пришла натянуть нос бывшему муженьку, считавшему, что она и дня без него не проживет. Вскоре Айла уже бодро сверлила дырки в деревяшке и закручивала саморезы.

– Ну как, получается? – спросил Адам, останавливаясь перед ней.

На него коротко взглянули зеленовато-голубые, как морская вода, глаза.

– Кажется, я начинаю понимать, как надо.

– Хорошая у вас дрель.

Дрель у нее была красновато-лилового цвета и такая чистая, что у Адама не осталось сомнений: ею еще не пользовались.

– Могу поспорить, вы говорите это всем девушкам.

Адам не удержался от смеха.

– У вас задуман какой-то определенный проект?

– О, проектов не счесть. Обои стародавние, проводка доисторическая, перила шатаются, ковровин протерт до дыр, и ни шкафов, ни стеллажей. Даже книжных полок нет – мама не любила читать.

– Тс-с-с, не то кловердейлская библиотека услышит, – сказала проходившая мимо Кассандра. Взяв несколько саморезов, она вернулась к своему рабочему месту.

После занятия Адам убедился, что везде порядок, крошки от печенья подметены, свет погашен, а желтые складывающиеся двери заперты до завтра, и поспешил домой проведать детей. Он нашел Зоэ в гостиной, с головой ушедшую в подготовку домашних заданий, а Зака застал уже одетого в пижаму. Адам уложил сына в кровать, прочел ему несколько страниц первого романа о Гарри Поттере и взял ключи от машины.

– Скоро вернусь, только ключи Дженнифер отдам, – сказал он Зоэ.

Ехать по кривым сельским улочкам до большого дома с усыпанной гравием подъездной дорожкой и деревянными, с поперечными брусьями воротами а-ля старая ферма всего несколько минут.

Дженнифер встретила его и провела в гостиную, вполголоса сказав:

– Если Арчи узнает, что вы пришли, то снова вскочит, не уложишь. Первый день в школе, мороженое, парк – этого оказалось чуточку чересчур, никак не угомонится.

– Это моя вина.

– Нет-нет, он очень доволен... Как прошел ваш практикум?

Адам вкратце пересказал, как и что, и заметил бокал красного вина на низком дубовом журнальном столике, сочетавшемся с обстановкой, выдержанной в мягких бежевых, кремовых и шоколадных тонах.

– Гляжу, вы последовали моему совету, – сказал он.

– Долгий день, да и вся неделя напряженная. Дэвид снова в отъезде, а близнецы задались целью довести меня до безумия. Шестнадцать лет, комичная независимость, и ни одна не хочет понять важность экзаменов на аттестат зрелости, которые уже на носу...

– Успокойтесь, сегодня был всего лишь первый день учебы. Все образуется.

– А хотите вина? Конечно, вы за рулем, но, может, маленький бокальчик?

– Ну, если маленький... – Когда Дженнифер вышла в кухню, Адам оглядел книжные полки и, ведя пальцем по корешкам, остановился на книге «Мозг подростка». – Мне вот этот томик скоро понадобится, – сказал он, когда Дженнифер вернулась с бокалом вина.

– Что, с Зоэ проблемы? – Дженнифер присела на край мягкого бежевого дивана. Адам сел с другого конца.

– Да нет, обычный подростковый бунт. Стонет, что у нее в телефоне нет соцсетей, которые она хочет.

– Ну, они сейчас все такие, и, если Зоэ хоть немного похожа на Кэти и Амелию, телефон для нее как часть организма. Современные подростки только так и общаются.

Его опека могла показаться чрезмерной, но Адам не смел открыть настоящую причину, отчего ему не хочется, чтобы дети сунулись в большой широкий мир и наделали открытий, войдя в контакт с людьми, которые расскажут им все. Дети были его основным приоритетом, и Адам не хотел, чтобы их преследовало прошлое.

Они с Дженнифер поговорили о начале занятий, об объемах домашних заданий, об увлечении Арчи и Зака футболом.

– Зак просится на карате, – признался Адам. – Посмотрим, как он отучится первую четверть, а потом подумаем, добавлять что-нибудь к футболу или нет.

– Боевые искусства – очень жестокий спорт.

– Ему это только на пользу, сумеет за себя постоять. – Дженнифер это не очень убедило. – Он утром попытался применить ко мне какой-то прием из карате – должен сказать, весьма чувствительно. Заку нужно научиться правильно двигаться и соизмерять силу удара.

– Если Зак запишется на карате, за ним потянутся и Арчи, они уже закадычные друзья. А ваша Зоэ подружилась с Авой. Кажется, ваши дети с ходу прижились в нашем городке.

Дженнифер была права, они действительно быстро осваивались в Кloverдейле. В глазах окружающих Паркеры были самой обыкновенной семьей.

Большого Адам и не желал.

4. Виола

В своем кадровом агентстве Виола втискивала недельный объем работы в четыре дня, чтобы освободить пятницу и направить энергию в иное русло, дабы не сойти с ума. Потому что, несмотря на успешность и некоторую рисовку на службе, Виола занималась всем, от набора персонала до обучения корпоративной политике и тренингов на сплочение рабочей команды, и ей регулярно требовалась передышка.

Обычно она спасалась своим излюбленным дизайном интерьера, обновляя сайт или продумывая переделку очередной комнаты, однако эту пятницу Виола планировала посвятить библиотеке общих вещей.

Когда-то они с Дженнифер были лучшими подругами, но после того, что сделала Виола, не общались много лет, пока волею судеб обе не осели в Кloverдейле. Виола чувствовала, что Дженнифер воспользуется любой помощью, какую ей предложат, во благо своего нового детища; кроме того, она всегда предпочитала худой мир доброй ссоре. Виола нарочно вызвалась помочь в присутствии Элейн, чтобы Дженнифер было неловко отказать.

После того как они раззнакомились, Дженнифер ничего не слышала о Виоле, пока та не появилась в Кloverдейле, и теперь просто держала нейтралитет. Она не желала, чтобы кто-то проведал о том, что касалось только их с Виолой, и общалась бесстрастно.

– Я бы ее и сама одолжила, – сказала Виола, взяв мороженицу, которую вернули утром. Дженнифер объяснила, что требуется проверить, все ли части на месте, вложена ли внутрь инструкция, чистая ли чаша – словом, можно ли ставить мороженицу на полку для нового клиента. – Тут в записной книжке новые рецепты!

Это подстегнуло любопытство Дженнифер, которая поднялась на стремянку протереть верхние окна.

– Вот как? И какие?

– Кармел из булочной заламинировала рецепт мороженого с крошкой коричневого печенья, Мелоди из паба написала, как придать мороженому вкус восхитительного яблочного пирога, а Гетти подкинула рецепт с пекановым маслом.

Дженнифер ответила, протирая стекла:

– Я в прошлом месяце ее брала. Впервые готовила домашнее мороженое.

Возникший диалог Виола приняла за добрый знак. Это был самый оживленный обмен репликами с тех пор, как они случайно встретились в пекарне, когда Дженнифер пришла за хлебом на пивных дрожжах, а Виола увела у нее из-под носа последний каравай. Напряжения тот случай, разумеется, не разрядил.

– И каков вердикт?

– Опасная штука.

Улыбка, тронувшая уголки губ Дженнифер, напомнила Виоле, как крепко они когда-то дружили.

– В смысле электричества или калорийности продукта? – Виола осматривала лопасти, уже представляя, мороженое с каким вкусом будет готовить.

– Второе. – Дженнифер спустилась на ступеньку и изогнулась вправо и влево, оглядывая окно в поисках ускользнувших от тряпки разводов. Ничего не найдя, она сошла на пол. – Получилось прекрасное мороженое с ромом и изюмом.

– М-м, какая вкуснота! А я сделаю мятное с шоколадной крошкой, любимое мороженое Айзека. – Виола опустила мороженицу в коробку. – Уберу-ка я ее подальше, а то растолстею от одного вида...

Впрочем, об этом Виоле волноваться не приходилось. От отца ей достался прекрасный рост, от матери – стройность, а со своей преданностью работе Виола просто не успевала объ-

едаться. Еще она унаследовала отцовские кудри; вот и сейчас она поправила «конский хвост», в котором томились густые светлые локоны, чтобы не мешать хозяйке.

Шкафы в библиотеке общих вещей были скомпонованы по секциям: слева – электроника, затем – игрушки и садовое оборудование, не всегда помещавшееся в стандартный контейнер для хранения; приходилось выставлять его на пол в чехлах. Виола водрузила мороженицу на стеллаж в дальнем конце, где находилась кухонная техника.

– Эту полку нужно укрепить.

Полка действительно прогнулась, угрожая обвалиться.

– Знаю, Адам тоже заметил. Он вызвался собрать большой шкаф в углу. – Дженнифер показала на дальнюю стену, пока еще пустовавшую. – Туда уберутся газонокосилка, садовые грабли и вилы, а также палатка.

– Мне казалось, в прокате не бывает туристических палаток, ведь их сложно содержать в чистоте?

– Сейчас в наличии только двухместная. Посмотрим, как пойдет. Я ее дешево взяла на пасхальной распродаже, и палатку уже семь раз одалживали. Она пользуется спросом. Даже Дэвид и Арчи ставили ее в нашем саду.

– Не может быть! И ты разрешила?

– Надо же им пообщаться. Дэвид часто уезжал в командировки, Арчи по нему соскучился.

До Виолы стороной доходило, что Дэвид много отсутствует по работе и Дженнифер вынуждена разрываться между домом и работой. И хотя брак у нее был крепкий, Виола заподозрила, что частое отсутствие мужа не могло не сказаться. Дженнифер выглядела уставшей и будто одолеваемой невеселыми мыслями – впрочем, виной тому могло быть присутствие Виолы, а не семейные неурядицы. Виола не могла вмешаться, расспросить и дать совет; едва наметившиеся отношения были настолько хрупкими, что она боялась надавить и все сломать. Сегодня Дженнифер, по крайней мере, отвечала не скупыми двусложными репликами, и это был уже прогресс.

Из них получилась на диво слаженная команда: они проверяли возвраты, ставили вещи на места, разговаривали с заходившими в библиотеку местными жителями – одни что-то брали, другие приносили, третьи просто заглядывали поболтать по дороге в пекарню, на почту или в книжную библиотеку.

Гаррисон Пемберли, владевший фруктовой лавкой возле пекарни, торжественно вошел с большой круглой корзиной ярко-красной клубники. Он вполне оправдывал высокое звание тезки Гаррисона Форда: виски красиво серебрила седина, загар не сходил с лица круглый год. Гаррисон Пемберли был очень хорош собой и обаятелен.

– За счет заведения, – сказал он, перехватив Дженнифер в дверях – она собиралась на ланч.

– О, зачем же, у вас все-таки магазин...

– А это в порядке подкупа. Мне нужна помощь, я пришел за формой для пирога.

– Я вам помогу, Гаррисон. – Виола проводила Дженнифер и перехватила задачу поиска формы для выпечки. В октябре Гаррисон ожидал в гости четырехлетнюю внучку – торт предназначался для нее.

– Мне сказали, она сейчас только и говорит, что о принцессах, – объяснил Гаррисон, когда Виола вела его к кухонному отделу. Они принялись перебирать имевшиеся формы.

– Вы сами печете?

– Пеку. Правда, руки у меня не очень ловкие, без формы не справиться, – отозвался Пемберли, когда Виола вынимала формы по одной, ища нужную. – Мне бы такую, чтобы ухнуть все ингредиенты сразу и надеяться, что при виде результата Жизель заулыбается, а не расплачется.

– Мне кажется, она обрадуется всему, что вы испечете, если вы покроете пирог розовой глазурью и украсите драже. Девочки все готовы простить за нарядный торт. . . . Может, эту? – Виола вытаскала форму в виде диснеевского замка.

– Ох ты, я с такой не справлюсь!

Виола достала из коробки листки – рецепт от того, кто уже брал напрокат эту форму, и фотографию готового торта.

– Малышка будет в восторге. Тут есть и башенки, и подъемный мост, а если вы ознакомитесь с вот этой информацией, то скопируете украшения, придуманные Рут.

– У Рут золотые руки.

Рут была местной жительницей и матерью четырех детей; ее семья жила в одном из больших домов на краю общинного луга.

– Рут редко печет – она же работающая мама, но результат впечатлил даже ее. Если вы ее попросите, она поможет.

– Это уже смахивает на какой-то обман, будто я не сам старался. . . . Хотя ладно. Сколько я вам должен?

– Два фунта в день.

– А что, недорого. Я хотел купить форму в магазине, но подумал – вдруг Жизель через годик увлечется пони или станет сущей пацанкой и потребует торт в виде машины, и решил не швыряться деньгами.

– Для этого мы и работаем. Совместное пользование делает жизнь проще.

– И дешевле, – добавил Гаррисон.

Вернулась Дженнифер, смеясь и оживленно беседуя. Когда Виола подняла голову, думая увидеть ее с Дэвидом, то оказалось, что рядом с Дженнифер маячил недавно появившийся в Кloverдейле Адам Паркер. Надо же, они уже на дружеской ноге! В этом не было ничего предосудительного, но от Виолы не укрылось, как бывшая подруга вела себя перед этим Паркером. Она слышала, что Дженнифер прямо силком затащила Адама в свою библиотеку общих вещей: он ловко управлялся с барбекю на церемонии открытия, а потом проводил тут практикум. Кloverдейлцы наперебой хвалили приятного соседа за дружелюбие и располагающую натуру, но Виоле в нем чудилось какая-то странность, которую она пока не могла определить.

И вот теперь он шел к ней, улыбаясь до ушей. Никогда не доверяй человеку, который много улыбается.

– Здравствуйте, вы что-то ищете?

– Вас! – И это тоже с улыбкой. – Зоэ не дает мне покоя, чтобы я. . . . то есть мы обратились к вам с просьбой заняться переделкой ее комнаты.

– Ясно.

– Надеюсь, я не сказал лишнего?

– Простите. – Мысли Виолы были заняты браком Дженнифер, и она не знала, доверять ли веселости Адама. – Переделка комнаты. Да, я могу вам помочь. Зоэ с Авой недавно говорили об этом. . . . Буду счастлива взглянуть.

Зоэ Виоле нравилась – она положительно влияла на Аву, как, впрочем, и Ава на нее.

– Я хотел все сделать сам, но там, видимо, нужна женская рука. Я не сексист, но дочь совсем не обрадуется моему горячему участию. . . .

– Давайте я зайду, скажем, часа в четыре? Определимся с направлением и сметой за ремонт. Трогать я ничего не стану, пока вы не дадите добро. Устроит?

– Более чем.

Виола обратила внимание, что Адам, прощаясь, тронул Дженнифер за руку. Всего лишь легкое прикосновение – так многие делают и никакой крамолы в этом не усматривают.

Может, Виола вообразила себе тайную связь там, где ее и в помине нет? Виола понимала, что лучше помалкивать о своих догадках, если прошлые ошибки ее хоть чему-то научили.

– Извините, я немного опоздала, – сказала она, входя в коттедж «Лилипут». – Пришлось зайти домой и сделать пару дел, девочек проведать. Хейзел трудилась не покладая рук, зато Ава, как всегда, отдыхала, хотя у нее домашнее задание не сделано и на пианино надо заниматься. У нас составлено расписание, но она вечно отлынивает.

– Не хотите ли чаю, кофе или чего-то прохладительного? – предложил Адам.

– С удовольствием выпью кофе. – Видимо, он заподозрил в ней неменяемую мамашу, раз Виола обрушилась на дочерей, едва переступив порог. Но не может же она пускать дом на самотек! В будущем девчонки еще поблагодарят ее за это.

Она разулась.

– О, зачем же... – смутился Адам. – Не нужно.

– У меня в доме в уличной обуви не ходят. В новой комнате Зоэ тоже будет такой порядок, – отрезала Виола, идя за Адамом в кухню. – Простите, я уже с порога командую. Буду сдерживаться. – Она оглядывала комнаты коттеджа «Лилипут», принадлежавшего когда-то Нэнси и БERTУ; они прожили в Кloverдейле сорок лет и недавно переехали в Кардифф, чтобы в старости быть поближе к родственникам. До Паркеров коттедж сменил четырех или пятерых временных жильцов, и всякий раз арендаторы усугубляли царивший здесь упадок. Виола наметанным глазом отмечала засаленные обои, замызганные паласы и облупившуюся краску; у нее чесались руки повесить полки в тесной кухоньке, чтобы освободить столешницы от лишней посуды. А под полками добавить освещения, чтобы кухня купалась в мягком свете... Но ее пригласили не за этим.

– Зоэ хочет побыстрее начать ремонт? – спросила Виола, чувствуя себя неловко наедине с мужчиной, которого едва знала. Девочки сдружились за пару дней, и Виола обрадовалась, что Адам обратился к ней за помощью: так она побольше узнает о семье, где Ава готова была дневать и ночевать.

– Она в нетерпении. Торопится доделать домашнее задание. Я ее звал, наверное, не услышала.

– Если ваша Зоэ такая же, как моя Ава, она заткнула уши наушниками и не услышит даже товарного поезда.

Адам отыскал в подвесном шкафчике кофейные капсулы и разглядывал этикетки.

– Только ультракрепкий. Будете такой?

– С удовольствием.

– В кухне тесновато, но для кофемашины место всегда найдется. – Адам установил капсулу под крышку кофеварки, поставил снизу чашку и нажал кнопку. С громким шипением машина извергла темные струйки. По кухне поплыл упоительный аромат.

– Ого, у вас как в кафе, – сказала Виола, добавляя молока.

– В Австралии кофе – первое дело, особенно в Мельбурне. В Англии я долго не мог найти хорошего кофе, хотя был приятно удивлен выбором в Лондоне... – Адам постучал по кофемашине: – Это мой подарок самому себе на новоселье.

– Вы совершенно правы. – Никто не расспрашивал, отчего Паркеры оказались в Кloverдейле и почему Адам один растит детей. Он не носил обручального кольца, и Виолу снедало любопытство, что же у него произошло. Она надеялась что-то выведать через Аву, но пока дочь не сообщила ничего полезного.

На лестнице показалась Зоэ, выдернув из ушей наушники при виде Виолы.

– Я не знала, что вы пришли, – заулыбалась она. Ава сейчас редко улыбалась Виоле. Ну, хоть младшая, Хейзел, ровесница Арчи и Зака, пока еще ласкается к маме и папе.

– Это из-за них. – Адам кивнул на наушники, свисавшие из руки дочери. – Ты себе слух испортишь!

Эти слова были встречены хорошо знакомым Виоле возмущенным взглядом вытаращенных глаз, который Ава довела до совершенства.

Виола и Зоэ перешли прямо к делу. Поднявшись в комнату девочки, Виола открыла свою спортивную сумку, где было все необходимое на данный момент.

– Скажите, отстой? – Зоэ присела на край кровати, оглядывая спальню.

Виола нашла клочок бумаги, чтобы подложить под свою чашку, и поставила кофе на подоконник.

– Представляй эту комнату чистым холстом. Между прочим, я очень люблю такие помещения: здесь огромный потенциал.

– Да ладно!

Приятно было говорить с девочкой-подростком, которая – по крайней мере, с Виолой – не вела себя отчужденно-холодно, грубо или откровенно враждебно.

– Для меня хуже всего, когда просят переделать комнату, но привередничают – это не пойдет, того тоже не надо. Я не против точечных улучшений, но полная переделка гораздо легче и интереснее. – Виола остро жалела, что родная дочь не с такой готовностью принимает ее идеи. Когда Аве сравнялось тринадцать и она захотела себе взрослую спальню, то сделала все в точности до наоборот, лишь бы не так, как предлагала Виола.

Комната Зоэ была типичной для дома, купленного в состоянии «неограниченных возможностей для улучшения», как пишут в объявлениях риелторы. Бледно-зеленые обои с квадратными темными пятнами там, где стояла мебель или висели картины, потертый бордюр не то бледно-зеленого, не то желтого оттенка. Самая заурядная люстра с бумажными грязно-белыми плафонами – или это въевшаяся многолетняя грязь? Зоэ, как смогла, добавила цветовых акцентов: постельное белье в мятно-зеленую полоску, зеленая подушка на стул, кремовый коврик из овечьей шерсти. Из плюсов Виола отметила хорошие деревянные половицы, а не ковролин, окна с двойными рамами, пропускавшие достаточно света, и простую белую мебель без царапин. Спальне срочно требовалась хорошая инъекция индивидуальности.

– Можно я сделаю несколько снимков?

– Конечно.

В комнате Авы Виоле уже пару лет не позволялось задерживаться, не говоря о фотографировании.

– Я, когда вернусь домой, все толком рассмотрю. – Виола встала у окна, ловя в объектив как можно больше обстановки. – Идеи приходят ко мне в самые неожиданные моменты, а снимки освежают память и помогают думать. Тебе нравится эта мебель? Она в прекрасном состоянии.

– Нравится. Я и в прежний дом нарочно попросила белую, чтобы подходило ко всему, что я выберу... или с чем останусь, если мы опять переедем.

Виола задумалась, сколько же этих детей возили с места на место, всякий раз переворачивая привычную жизнь: ведь им приходилось привыкать к новой школе и искать новых друзей. Отчего так? Но, будучи матерью, Виола умела избегать конфликтов, поэтому спросила:

– А по поводу колористики у тебя какие пожелания?

– С одной стороны, мне хочется яркости и оригинальности, а с другой – чего-то мягкого.

– Ты смотрела мои посты в «Инстаграме»? Там у меня есть снимки переделок в других домах.

– Мне Ава показывала.

Виола взяла свой айпад.

– Отлично. Давай посмотрим примеры дизайна – что-то тебе может приглянуться, и будем от этого отталкиваться.

Страницу за страницей они листали фотографии переделанных комнат, при необходимости переходя на соответствующие сайты. По поводу пола, который оказался в удивительно

хорошем состоянии, Виола с Зоэ согласились, что его достаточно отчистить и отполировать, а для тепла и уюта стоит добавить ковер. Они перебрали разные цветовые решения, варианты настенного декора, нового постельного белья и светильников, и спустя час Виола была готова составлять предварительную смету.

Она заглянула в гостиную, где Адам читал о Волан-де-Морте и Хогвартсе маленькому Заку – копии папаши со светло-каштановыми волосами и глазами цвета темной карамели, смотревшими из-под отросшей челки. На телевизоре с выключенным звуком шел матч по боксу. Станный выбор фона для маленького мальчика, подумалось Виоле. Расквашенные лица, разъяренные мужчины...

– Я вернусь с готовой сметой и набросками.

Адам поблагодарил ее, и Виола вышла из коттеджа «Лилипут» с сумкой на плече и головой, наполненной идеями. Зоэ помахала ей из окна второго этажа, когда Виола задвигала щеколду на калитке с расхлябанными петлями и облезшей краской. Помахав в ответ, Виола села в машину, соображая, что же такого стряслось в семействе Паркеров. Они производили впечатление нормальных людей, но у них явно имелись свои скелеты в шкафу. Пожалуй, она все-таки решится спросить и что-нибудь выяснит в следующий свой приход.

Или же не станет совать нос в чужие дела и будить спящую собаку.

5. Дженнифер

Библиотека общих вещей работала три дня в неделю, что вполне удовлетворяло местный спрос, но Дженнифер, сортируя в домашней почте извещения из прачечной, письма из школы, разные накладные и информационные рассылки, порой жалела, что не работает полную неделю. Если Дэвид оставался дома и работал у себя в комнате, она уходила в библиотеку навести чистоту или связывалась оттуда с местными поставщиками в попытке договориться о солидной скидке на новые вещи или даже о пожертвовании таковых. Библиотека общих вещей стала для Дженнифер возможностью отвлечься от проблем, и не в последнюю очередь потому, что здесь она могла поговорить с людьми, а не сидеть в тишине.

Сегодня люди шли в библиотеку один за другим. Ближе к концу дня Дженнифер вымыла чашки – чай пил местный провайдер, заглянувший забронировать садовый тент и бойлер, – и пропылесосила пол, прервавшись, чтобы принять газонокосилку от кловердейлца по имени Пит.

– Работает как часы, – похвалил он. – Но на лезвиях ржавчина.

– Я сейчас это запишу и покажу ее мастеру, когда у нас будет профилактика. Уэсли обязательно устранил ржавчину.

У Дженнифер имелся список надежных волонтеров, готовых раз в месяц пожертвовать своим временем, чтобы прийти и починить или профессионально почистить технику. Она была благодарна за энтузиазм и поддержку, с которой в Кloverдейле приняли ее проект.

За Питом пришла Гетти, снимавшая квартирку над пабом: ей понадобилась вафельница. Одета как студентка факультета искусств – в красные брюки и белую льняную блузу с рукавами-буфами, с браслетами в стиле бохо из кожи и бусин, – при близком знакомстве Гетти оказалась очень разговорчивой особой.

– Для себя вафли печь будете или для кавалера? – допытывалась Дженнифер.

Гетти залилась краской и спряталась за водопадом вьющихся каштановых волос, укрывавших полспины.

– Мой бойфренд Мартин приехал из университета на выходные, хочу сделать его любимые вафли с черникой и греческим йогуртом.

– А черника у вас есть?

– Купила четыре корзиночки у Пемберли.

– Ну, после такого угощения Мартин вас точно не упустит, – подмигнула Дженнифер, доставая вафельницу с полки и занося сведения в компьютер.

Прижимая вафельницу к груди, Гетти ушла, взволнованная ожиданием встречи с любимым, и ее улыбка могла поспорить с солнцем, освещавшим Кloverдейл.

Сердце Дженнифер тосковало по головокружительным первым дням романа с Дэвидом, когда каждая мелочь наполняла их восторгом и они не могли насытиться друг другом. Видимо, в браке их отношения, подчиняясь неизбежному течению жизни, превратились во что-то более приземленное, но Дженнифер чувствовала себя неудачницей. Они с Дэвидом отдалялись все больше, и она не знала, как вернуться на прежний курс.

Когда они поженились и Дженнифер забеременела близнецами, они с Дэвидом обсудили план жизни на ближайшие пять лет. Сперва она посидит дома, потом вернется к своей карьере, а заботу о детях и поездки в школу они с Дэвидом поделят пополам. Они смогут. Они справятся. Разве это так уж сложно? Но, как часто случается, гладко было на бумаге. Кейт устраивала родителям бессонные ночи, Амелия просыпалась реже, зато к ней так и липли какие-то ушные инфекции, нескончаемые насморки, высыпания на коже, а однажды ее рвало и слабило пять дней подряд. Дженнифер ходила как зомби; всякую мечту о работе вне дома разом вытеснило простое желание дотянуть до завтрашнего дня без катастроф. Соответственно, Дэвид

остался единственным кормильцем-добытчиком. Когда Арчи сравнялся год, ситуация изменилась: Дженнифер так и рвалась снова на работу. Она страстно хотела открыть собственный салон, но риск был велик, а возможность оказаться невостребованной – еще больше. Библиотека общих вещей реализовывала свой потенциал, подталкивая кловердейлцев больше общаться друг с другом, но Дженнифер этого было мало: она чувствовала, что скоро ее вновь потянет вернуться в профессию. Но разве после того, что уже произошло, стоило вновь раскачивать утлую лодку брака?

Закончив дела в библиотеке, Дженнифер пришла домой, сняла и положила на стол темные очки, удерживавшие ее черные как смоль волосы, и громко спросила, есть ли кто дома. Ответа не последовало: у близнецов еще шли занятия, а Дэвида в это время дня она никогда не видела. Дженнифер поднялась на второй этаж и долго стояла под душем, смывая усталость дня и беспокойное ощущение, что ей по-прежнему хочется большего.

Меньше чем через час дом ожил. Хлопнула входная дверь – Кэти и Амелия пришли из школы, а вскоре и Адам с Заком завезли Арчи по дороге с игровой площадки. Дженнифер с благодарностью помахала им с порога и обняла сына.

– Ну что, покачался на качелях?

– Нет, мы по шести лазали! – Арчи показал, как именно они лазали, подпрыгнув на маленьких ножках, и побежал по коридору. Низ школьных брюк был густо заляпан глиной.

– Хочешь горячего шоколада?

Сентябрьское солнце изо всех сил старалось прогреть воздух, но к вечеру уже заметно холодало, и в Дженнифер просыпалась тоска по настоящей осени, когда можно уютно устроиться в кресле и глядеть, как падают листья, а ближе к зиме – на пламя, пляшущее в камине.

Когда Арчи стянул ботинки и носки, Дженнифер осторожно заглянула в кабинет, служивший второй гостиной, где верховодила одна из дочерей, и повторила предложение горячего шоколада близнецам, уединившимся сразу после возвращения из школы.

Амелия, тоже кареглазая брюнетка, но с отцовской ямочкой на правой щеке, вынула наушник и чуть приподнялась из расслабленной позы на диване:

– Только если из стопроцентного какао!

– Да, спасибо. – Кэти, более покладистая из близнецов и копия Дэвида, выглянула из-за сестры, как всегда, прекрасно расслышав все хорошее. Горячий шоколад у нее относился к этой категории.

Идя на кухню, Дженнифер взъерошила волосы Арчи, попавшегося ей навстречу: наверняка сейчас начнет упрашивать сестер побыстрее освободить комнату, чтобы наиграться на своем «Икс-боксе». Мальчик обожал «Майнкрафт», которым Дженнифер совершенно не интересовалась, хотя и подходила порой убедиться, что там все благопристойно и годится для девятилетнего. Другие родители предупреждали ее, что скоро Арчи попросит себе «Фортнайт», и Дженнифер очень не хотелось этой перемены. Арчи был ее дорогим сыночком, дитяtkом, и Дженнифер рада была побыть любимой мамой, пока сын не вырос и не отдалился. У Виолы сейчас такой же период с младшей, Хейзел, и будь они, как прежде, подругами, Дженнифер было бы с кем поделиться. Однако нынче их общение ограничивалось вежливыми репликами в ничего не значащих разговорах.

В кухне Дженнифер достала молоко, шоколадные капли и сделала в ковшике горячий шоколад, выложив на тарелку несколько кусков лимонного кекса с глазурью, который дети обожали: кекс обладал властью подольше удержать их за столом. Когда близняшки были маленькими, жизнь была суматошной: какая там домашняя выпечка и горячий шоколад! Час-другой для себя были редким праздником, лучшим в мире подарком. Однако теперь Дженнифер не хватало безумного хаоса, когда целыми днями ей было некогда присесть. Время пролетело слишком быстро, и, хотя она искренне любила свою семью, в глубине души она скорбела по четвертому ребенку, которого они с мужем так и не родили. Близнецов она доносила до трид-

пяти шести недель без малейших проблем. Чтобы забеременеть Арчи, пришлось уже прилагать усилия. А когда ему было годика два и последствия роковой ошибки Дженнифер постепенно ослабевали, она вновь попыталась забеременеть. Трижды ей это удавалось, но всякий раз дело заканчивалось выкидышем. То, что организм перестал ее слушаться, ставило Дженнифер в тупик, однако Дэвид отказывался понимать, зачем плодить детей, раз у них есть Арчи. Сперва он поддерживал жену, страстно хотевшую еще ребенка, но горе и подавленность после каждого выкидыша сказывались на всей семье, и после третьего раза Дэвид сказал: все, хватит, он не желает проходить это снова. И Дженнифер согласилась, что пора уgomониться.

Но оказалось, что озвучить свое согласие и поверить в него – совершенно разные вещи. Дженнифер понимала, что дело не только в желании иметь четвертого ребенка. Ею двигал страх, что дети вырастут, она перестанет быть нужной и останется не у дел. Что бы она ни затевала, она везде натыкалась на стену, отделявшую ее от исполнения желания, и Дженнифер чувствовала себя избалованной эгоисткой, не умеющей ценить то, что у нее есть. Многие женщины были бы счастливы на ее месте. Дженнифер жила в прекрасном доме после комплексной реновации – не то что с крыльцом, а с целой верандой по фасаду, где умещались стол и стулья для долгих летних дней. За садом тщательно ухаживал садовник, и там тоже было где присесть: в холодные месяцы они с друзьями собирались вокруг барбекю и сидели, укрывшись одеялами. Кухня у Дженнифер была белоснежная, глянцевая, ультрасовременная, удивительно хорошо сочетающаяся с георгианским минимализмом и внутренними пропорциями дома. У Дженнифер было так много, а у других порой так мало; в ее семье все здоровы, а ведь есть люди с финансовыми затруднениями и болезнями. Так отчего же она не рада своей участи?

Разминая шею, она наклонила голову вправо-влево, удивившись, как стиснуты челюсти. Когда на ее зов «Шоколад готов!» прибежали Кэти, Амелия и Арчи, Дженнифер скрыла за делано-веселым тоном свои сомнения в том, так ли идеальна ее жизнь.

Кухня была удачно спланирована: больше всего Дженнифер любила «остров» посередине – квадратный, в форме буквы П, так что внизу оставалось место для ног, – за которым легко умещалась вся семья. Накрывать на острове было проще, чем рассаживаться за обеденным столом.

– Лимонного кекса? – спросила Дженнифер, подавая кружки, до краев наполненные густым горячим шоколадом, сдобренным лишней ложкой сахара. Дети закивали, и она распределила между ними кекс. Благодаря острову кухня обрела свое лицо, став местом, где собирается вся семья, где не страшны крошки и кляксы разлитого шоколада, оставленные переусердствовавшим Арчи, а главное, где вся семья могла побыть вместе. Родители Дженнифер многим жертвовали ради нее; она многим жертвует ради своих детей. Так устроена жизнь.

Куда деваться.

* * *

Когда Дэвид вернулся с работы, Дженнифер ставила в духовку таджин¹ из баранины. Перебросившись с женой парой дежурных фраз, Дэвид почти сразу пошел наверх принять душ. Он очень уставал в последние дни – совсем как она в начале материнства, только сейчас они не были вместе; замотанные рутиной, супруги лишь изредка урывали минуты побыть вдвоем, и этих минут всегда бывало недостаточно.

– Ты заказал Корнуолл на Пасху? – спросила Дженнифер, когда муж сошел вниз с мокрыми после душа волосами. Это напомнило ей, как Дэвид выходил из моря, брызгая на нее холодной водой, а она ждала его, лежа на песке.

– Нет еще, занят был.

¹ Тушеное мясо с овощами.

Когда муж открыл холодильник, Дженнифер подавила желание посоветовать Дэвиду не перебивать аппетит перед ужином.

– Мы все заняты. – Ей самой не понравилось, как это прозвучало, но она тоже начала обижаться на изоляцию, которую ощущала, сидя дома.

– Закажу, закажу, обещаю. – Он наклонился поцеловать жену, обдав ее пряным запахом геля для душа.

Смягчившись, Дженнифер достала айпад и присела на табурет рядом с мужем, решив найти сайт с фотографиями Корнуолла для вдохновения. Они каждый год куда-нибудь ездили на Пасху, когда дни уже были погожими, а пляжи – посвободнее, чем летом.

– Может, Круклетс-Бич, недалеко от Бьюда? – Дженнифер повернула айпад к мужу. – Сможешь взять свою доску для серфинга и научить детей.

– У-у, я уже не тот серфер, что раньше. Не уверен, что на меня налезет мой костюм.

– Еще как налезет. А доска твоя в гараже, с нее только паутину смахнуть. Ну, что скажешь?

– Насчет серфинга или насчет Корнуолла?

– Насчет серфинга в Корнуолле! В Сент-Айвсе мы уже отдыхали, пусть поездка даст новые впечатления. Арчи жаждет обучиться серфингу. Помнишь, как он увидел твою доску в начале каникул?

«И как нам так и не удалось ею воспользоваться, как ни умолял сынишка...» – добавила Дженнифер про себя.

– Что ж, я за.

В такие моменты сомнения Дженнифер по поводу ее брака исчезали, но как только с Корнуоллом было улажено, беспокойные мысли вновь зашевелились.

– Девочки там могут поучиться виндсерфингу, еще можно съездить в «Проект “Эдем”»²...

– Думаю, девчонки с удовольствием будут валяться с нами на пляже, если они удались в свою мать.

И Дэвид улыбнулся той же улыбкой, которая покорила Дженнифер много лет назад.

– Пожалуй, серфинг – не лучшая идея, – задумчиво сказала она.

– Да брось ты, им же по шестнадцать! Куда ж без кавалеров...

Дэвид был прав – дочерей нельзя до бесконечности держать в детской.

– Мне казалось, Кэти и Амелия не захотят больше с нами ездить.

– Смотря куда поедem. Не представляю, чтобы они отказались посетить хороший европейский курорт, если мы решимся махнуть туда. – Он взял айпад и начал разглядывать отель, который нашла Дженнифер. – Девочкам это покажется страшной глушью.

– Надо будет обязательно запретить гаджеты на все каникулы, чтобы получился нормальный полноценный отдых на природе...

Кухню наполнил раскатистый смех Дэвида.

– Если ты так сделаешь, они точно больше с нами не поедут! – И он зачитал отрывки из описания на сайте: – ... Укрытый уголок на побережье... Пять минут от пляжа... Десять минут пешком до паба...

И в несколько кликов забронировал места.

На лице Дженнифер появилась широкая улыбка. Дженнифер обняла мужа, прижалась, вдыхая знакомый запах, наслаждаясь ощущением его почти гладкого подбородка, видевшего бритву каждое утро, кроме отпуска.

– Нам полезно будет побыть вместе.

– Мы и так вместе.

² Ботанический сад в графстве Корнуолл.

– Ты знаешь, о чем я.

– Представляешь, как только девчонки поступят в университет или начнут работать, они будут ездить на каникулы со своими бойфрендами. Это сэкономит нам целое состояние!

– До этого еще надо дожить. Да и вообще, ты отдаешь себе отчет, что мы всю жизнь будем платить за наших детей?

Дэвид потер затылок и шею.

– Тогда я пошел в кабинет, поработаю еще полчаса до ужина.

Сердце Дженнифер упало. Она понимала, что должна быть благодарна за трудолюбие мужа, за этот прекрасный дом, где они живут, за то, что они могут позволить себе отпуск два раза в год, не говоря уже о том, что Дэвид помог ей выбраться из ямы проблем, которую она сама себе выкопала восемь лет назад. Но последние четверть часа позволили ненадолго вспомнить, какие они настоящие, когда не так заняты. Пока Арчи был маленьким, Дженнифер с Дэвидом ложились в обнимку на диван, едва сынишка засыпал, а близнецы читали в своих кроватях. Супруги смотрели телевизор или разговаривали, наслаждаясь друг другом, а на следующий день рутина начиналась снова.

Обняв мужа за плечи, Дженнифер прильнула к его шее.

– Работа подождет до понедельника. Пока готовится ужин, можем прогуляться.

– К сожалению, прогулка не оплатит счета и коттедж в Корнуолле. – Дэвид позволил себе еще понежиться в объятиях жены. – Я должен быть в курсе дел, у меня завтра важная телефонная конференция. – Он поцеловал жену в губы, задержав поцелуй на секунду дольше обычного. – Я люблю тебя, – сказал он, будто усомнившись, не провинился ли в чем.

– И я тебя люблю.

Они часто повторяли это, будто по привычке. За годы брака эти слова заменили другие жесты, которыми они давали понять, что ценят друг друга. Раньше Дэвид набирал ей ванну с розовыми лепестками, не раз уводил куда-нибудь детей на целый день, чтобы жена могла отдохнуть, и Дженнифер упивалась его вниманием. Когда у Дэвида на работе случилась серьезная реструктуризация и ему пришлось вновь устраиваться на работу, Дженнифер оставила детей на свою маму, увезла мужа в «Глениглс»³, где они роскошно поужинали, и возила за ним тележку с клюшками, пока Дэвид играл в гольф. Они наслаждались обществом друг друга, ничего так не желая, как тех драгоценных моментов, которые легко принять как должное. Тогда они еще разговаривали друг с другом, знали, когда надо не мешать другому и дать отдохнуть, умели считывать малейшие сигналы.

Ужин неспешно готовился в духовке, наполняя кухню дразнящим ароматом, а Дженнифер прислонилась к кухонной столешнице, думая о Корнуолле и о том, что эта поездка будет полезна для всех. Она рассеянно накручивала пряди на пальцы – привычка, за которую ей часто выговаривала мать и которая, по признанию Дэвида, в начале отношений сводила его с ума от страсти. Осмотрев концы, Дженнифер решила, что волосы нужно чуть подстричь, и через айпад записалась к своему любимому мастеру. Ехать к ней было далеко, но каждый визит напоминал Дженнифер о мире, который она когда-то обожала – и оставила. Мечту, от которой она отказалась.

Вошла Амелия спросить, когда будет ужин. Почему ей не хватило кекса и горячего шоколада, оставалось только гадать. Амелия активно занималась спортом в школе – должно быть, отсюда и волчий аппетит. Девчонка уже открыла духовку поглядеть, что там готовится.

– Скоро, скоро, – отозвалась Дженнифер.

– А что ты делаешь? – Амелия водрузила пятую точку на стул рядом с матерью.

– Записываюсь на стрижку.

³ ОТЕЛЬ в Шотландии.

Амелия поставила ступни на деревянные перекладины и, привстав, поглядела на макушку Дженнифер:

– Никакой седины нет.

– Мне повезло, волосами я пошла в твою бабушку. Она говорила, что первый седой волос нашла у себя в пятьдесят три года.

– Мне не хватает бабули.

– Мне тоже. – После смерти матери Дженнифер не однажды поднимала трубку, машинально готовясь позвонить ей и поболтать. Дженнифер все бы отдала сейчас за один-единственный разговор, чтобы спросить у мамы совета насчет своего брака.

– У тети Айлы тоже нет седины. Не могу представить ее старой.

– А меня, значит, можешь? – Дженнифер легонько подтолкнула Амелию локтем.

– Ты же меня поняла! Тетя Айла – свободная, незамужняя...

– А я – загнанная и обреченная на домашнюю каторгу.

– Перестань говорить за меня! – Амелия провела пальцами по темным волосам. Ее шевелюра, длиннее, чем у Дженнифер, обладала густотой и блеском, какие бывают лишь в молодости и какие начинаешь ценить, только утратив. Дженнифер очень надеялась, что дочери не взбредет в голову отстричь эти прекрасные волосы. Кэти, блондинка, как и Дэвид, уже начала заговаривать об экспериментах: от нее только и слышно было – пепельный блонд, серебристый блонд, мелирование и шатуш. Этим ее интерес к волосам и ограничивался – Кэти просто любила пробовать новое, зато Амелия была пытливая и любознательная и планировала после школы пойти по маминым стопам. Дженнифер обожала говорить с ней на профессиональные темы, обсуждать окрашивание и технику стрижки и укладки.

– А ты будешь красить корни, когда начнешь сесть? – Амелия умела без предисловий перейти к главному. – Сейчас многие ничего не делают, даже относительно молодые. Седина – новый тренд.

Если Дженнифер уже не работала парикмахером, это не означало, что она не интересовалась этой темой и новыми веяниями, но иногда она невольно пропускала новости мимо ушей, словно не желая их знать.

– Кто бы мог подумать. – Дженнифер обняла дочь. – Вряд ли я последую этой моде.

– А мне кажется, это будет выглядеть круто.

– Некоторым девушкам, конечно, идут серые тона, но мне непонятно, зачем так красить, если в будущем седина и так никуда не денется? Мое мнение – нужно подчеркивать преимущества природного цвета.

– Я так и собираюсь.

– Вот и хорошо. Кстати, мы забронировали курорт на отпуск.

Лицо Амелии осветилось улыбкой, и она молитвенно сложила руки:

– Ой, пусть что-нибудь экзотическое!

– Корнуолл.

Амелия поморщилась, но все же сказала:

– В Корнуолле круто, все говорят. Ладно, могло быть и хуже – семья Натали заказала недельный турпоход по Шотландии.

– Натали увлекается походами?

– Она – нет. Ее родители увлекаются.

– Ну, тогда нам еще повезло.

– А чем ты прижала отца, что он забронировал Корнуолл?

– Он сдался, узнав про возможность покататься на серфе.

Амелия прикрыла лицо растопыренной ладошкой и поглядела между пальцев:

– Папа – и в гидрокостюме...

– Я все слышу! – крикнул Дэвид из кабинета.

– У тебя много заданий? – спросила Дженнифер Амелию, которая родилась второй, через семнадцать минут после Кэти, и росла куда спокойнее сестры.

– Да ужас просто! Скоро сяду готовиться.

– Умница моя. – И Дженнифер порывисто обняла дочь. Амелия грезилась о карьере стилиста и могла окончить школу уже в этом году, но свои решения она принимала очень взвешенно и не собиралась ограничивать себе выбор. Амелия обнаружила способности к математике и предпринимательству и при наличии родителей, готовых поддержать ее решение учиться дальше, задумала получить сперва диплом по деловому администрированию, а затем пойти в школу парикмахеров. Она сказала Дженнифер, что знание бизнеса сослужит ей добрую службу, если она захочет открыть собственный салон. Когда дочь произнесла эти слова, Дженнифер почувствовала огромную гордость и зависть, в которой в жизни бы не призналась. Дженнифер невольно завидовала дочери, которая собиралась воплотить в жизнь мечту своей нерешительной матери.

– А какая была мода на стрижки, когда ты работала? – допытывалась Амелия. Пусть она усердно учится в школе и метит в университет, но истинное призвание не спрячешь. Впрочем, Дженнифер догадывалась, что девчонка тянет время, не очень желая приниматься за домашнее задание.

– Ну, это когда было... – Дженнифер напрягла память, вернувшись чуть не на двадцать лет назад, когда она еще была ученицей и предвкушала блестящую карьеру. – Буквально через одну клиентки просили стрижку, как у Рэйчел.

– Что, как у того пугала из «Друзей»?!

– Эй, этот сериал был тогда невероятно популярен! Его до сих пор смотрят.

– Да знаю, вы с отцом постоянно его цитируете.

Об этом Дженнифер совсем забыла. Близнецы возмущенно кипятились, когда они с Дэвидом обменивались понятными только им цитатами из «Друзей», такая у них была чудинка. Но рутина съела и эту привычку.

– Еще часто просили пикси, как у Мэг Райан, – продолжала Дженнифер. – Это было дерзко, стильно. Химия тогда, по-моему, уже выходила из моды, и я всей душой приветствовала изменения.

– А ты вообще хотела когда-нибудь снова стать стилистом, открыть собственный салон?

Дженнифер и не заметила, что на улице начался дождь. В кухне было тихо, лишь капли барабанили по стеклам.

– Я всегда хотела семью, поэтому предпочла работе вас.

– Ну, а все-таки?

– Я об этом не жалею.

– Да, мы у тебя классные.

– И скромные...

– Папа говорил, ты была хорошим мастером.

У Дженнифер потеплело на душе при известии о том, что Дэвид о ней хорошо отзывался.

– Да, я была не из последних. После курсов я пошла работать помощницей, очень старалась, и меня взяли в прекрасный салон, сделали старшим стилистом. Конечно, я не собиралась бросать работу, но у жизни были свои планы. – Дети разочаровались бы в ней, узнай они о ее проступке, тяжело отозвавшемся на всей семье, особенно на их любимых бабушке и дедушке. Если люди спрашивали Дженнифер, почему она не возвращается к работе, она заученно отвечала, что самая дешевая домашняя прислуга – это мама, сопровождая эту фразу беззаботным смехом, будто она абсолютно довольна своей жизнью и не вспоминает о карьере. – Я ушла из профессии много лет назад, – как бы между прочим добавила она.

– Это не означает, что ты не можешь вернуться.

Дженнифер только пожала плечами. Дождь стал косым, и мать и дочь с досадливыми гримасками поглядели друг на друга, огорченные неожиданной сменой погоды.

– Мне нравится дома с вами. Что бы вы делали без меня?

– Мам, мне шестнадцать, я же не вечно тут буду торчать!

– А когда-то ты клялась, что никогда не уедешь из дома, и ужасно расстраивалась, когда я намекала, что ты еще передумаешь, – с любовью глядя на дочь, сказала Дженнифер. Амелия очень напоминала ее саму в юности. – Когда же моя малышка успела стать совсем взрослой?

– Ты сама меня такой вырастила.

– Ну, хоть что-то я сделала правильно. – Дженнифер крепко обняла Амелию и поцеловала в макушку. – Я горжусь тобой.

Прежде чем уйти – сестрица позвала ее из гостиной поглядеть на какой-то дурацкий мем, присланный подругой, – Амелия добавила:

– Мам, если ты когда-то выбрала семью, это не значит, что ты не имеешь права хотеть чего-то для себя.

Глядя на дождь, заливавший стекла, на струйку, текшую снаружи по раме, Дженнифер думала, права ли дочь. Собственный салон был ее мечтой еще до знакомства с Дэвидом. Дженнифер много работала, оттачивая мастерство, а дома рисовала на клочках бумаги план будущей парикмахерской. Это все, чего она в жизни хотела, – и она почти добилась своего, когда Арчи исполнился годик. Но мечте не суждено было реализоваться.

Дженнифер так и сидела в тихой задумчивости, когда вошел Дэвид, закончивший работу.

– Давно идет? – спросил он, кивая на окно.

– Нет, только что начался.

Слова Амелии не давали покоя Дженнифер, но, когда прозвенел таймер духовки, она встала и подошла к плите. Дженнифер не могла отрицать, что подумывала о воскрешении своей карьеры, особенно с тех пор, как Арчи пошел в школу и годы замелькали со скоростью света, но высказанная вслух поддержка дочери стала триггером, подтолкнувшим Дженнифер от раздумий и колебаний к жажде действия.

Вынув жаропрочную кастрюлю, она начала доставать тарелки, готовясь накрывать на стол.

– Дэвид, я тут думала...

– Опасная привычка.

Она оттолкнула руку мужа, когда он потянулся к полковнику попробовать таджин, еще не разложенный по тарелкам.

– В последнее время я много думаю о моей прежней работе.

– Чего это ты вдруг?

Сказать ему, что это отнюдь не «вдруг»? Что непреодолимое желание сжигает ее уже давно? Но Дэвид вспомнит тот давний случай и сколько все они натерпелись по ее милости, и это все испортит.

– Ни с чего, просто я...

В заднем кармане Дэвида зажужжал телефон.

– Извини, я должен ответить – это касается командировки. Я быстро, я же вижу – ужин готов.

Он поцеловал ее в щеку, полагая, что жена будет дуться, если он не сядет за стол вовремя, и Дженнифер почувствовала себя секретаршей, которая вела протокол совещания, но оказалась больше не нужна.

Разделив рагу на порции, она поставила кастрюлю в раковину и залила водой, чтобы не засохло, пока они едят, но тут ее внимания потребовал собственный телефон. Похоже, у мобильных появились некие привилегии перед живыми людьми.

Увидев имя Адама Паркера, Дженнифер открыла сообщение. Речь шла о лишнем кроссовке – Зак принес домой сразу три на дне спортивной сумки. Адам с Дженнифер обменялись номерами телефонов, потому что мальчишки стали неразлучны и дневали и ночевали друг у дружки в гостях. Проверив сумку Арчи и выговорив сыну за рассеянность, Дженнифер написала ответ, поблагодарив и попросив Зака захватить кроссовок в школу в понедельник.

Телефон вскоре пискнул снова, когда Дженнифер разламывала марокканский хлеб, чтобы макать его в таджин. Она быстро прочитывала сыпавшиеся сообщения и сразу отвечала.

Адам: «Я буду в библиотеке общих вещей в понедельник и почию полку, о которой вы говорили».

Дженнифер: «Спасибо! С ней надо что-то делать, пока не рухнула».

Адам: «Рад помочь. А вы там будете?»

Дженнифер: «Конечно».

Адам: «На днях Элейн у вас что-то одалживала. Не хочу показаться грубым, но у этой женщины такой вид, словно она готова сожрать меня живьем».

Дженнифер расхохоталась. При всем ее своеобразии Элейн была неплохой, хотя за ней водилась страсть покомандовать. Она ястребом следила за Адамом с первого дня, как он появился у нее в библиотеке. Элейн вызвалась помогать в местной школе, с удовольствием заглядывала в паб со свежей сплетней и всегда с головой окуналась в любую инициативу. Вот и теперь она рьяно подключилась к библиотеке общих вещей, пожертвовав пару новых вещей и регулярно беря что-то напрокат. Она была замужем за Тони-водопроводчиком, одним из самых тихих мужчин в округе. Может, он незаметно и направлял кипучую энергию жены в волонтерскую деятельность, чтобы самому передохнуть?

На открытии библиотеки общих вещей Элейн громко советовала Адаму лучшие продукты для мангала, когда выяснилось, что он купил мини-барбекю и собирался приготовить детям ужин. Видимо, ей было невдомек, что отец-одиночка волей-неволей должен уметь управляться на кухне. Дженнифер слышала, как Элейн рекомендовала кебабы, куда входит мясо и овощи, котлеты, потому что они вкусны и питательны, и салаты, которые дети станут есть. У самой Элейн имелось трое здоровяков-детей, унаследовавших от матери джужее сложение, и ей не терпелось со всеми поделиться опытом правильного воспитания. Когда Адам спросил: «А что не так с “цепеллинами” и птицами счастья⁴?» (в воздухе сразу повеяло Австралией), Дженнифер едва удержалась от улыбки: Элейн, видимо, записала его в неподдающиеся и отошла с ужасом на физиономии.

Доставая из ящика ножи и вилки, Дженнифер написала: «По понедельникам она волонтерит в школе. Не волнуйтесь, вы будете в безопасности. Я надеюсь, что кто-нибудь возьмет присмотренную ею вещь, иначе ближе к вечеру визита не миновать».

Адам: «Я-то в безопасности, а вот детей в школе жалко».

Дженнифер: «Скоро они вздохнут свободно. Говорят, Элейн увольняется из библиотеки и через месяц возвращается на работу».

Некоторое время они прохаживались насчет возвращения Элейн к работе медсестры, гадая, отпугнет ли она пациентов своими советами или, наоборот, успокоит, и Дженнифер с разгону напечатала вопрос Адаму:

«Как вы считаете, в каком возрасте “слишком поздно” возвращаться на работу? У меня подруга интересуется».

Адам: «А что, вы собираетесь вернуться?»

Дженнифер: «Я с ума сошла, да?»

Адам: «Нет! А какая работа? Чем вы занимались до того, как стали мамой?»

⁴ Сосиски и куриные крылышки.

Дженнифер: «Я была стилистом. Мечтала открыть собственный салон, но мое время прошло. Буду искать что-нибудь на неполный день».

Адам: «Вы не должны мириться с чем-то неполным. Любить, так королеву!»

Дженнифер: «Значит, вы считаете, у меня получится?»

Адам: «У вас точно все получится».

Дженнифер стояла с телефоном в руке, когда вернувшийся Дэвид крикнул детям, что ужин на столе.

– Чему это ты улыбаешься? Уж точно не ясному дню! – кивнул муж на пасмурное небо и низкие тучи.

Дженнифер положила телефон экраном вниз. Дети гурьбой ввалились в кухню, расселись за столом и, не теряя времени, расхватили хлеб.

– Да так, своим мыслям.

Когда-то раньше Дэвид, может, и спросил бы, что же такое она замышляет, и попытался бы угадать, и они поднялись бы в спальню и занялись бы любовью. Но по его лицу бежали дела, дела, дела, а Дженнифер сегодня уже пробовала начать этот разговор. Ей стало любопытно, отнесся бы Дэвид к ее затее с таким же энтузиазмом, что и Адам. Этот чужак, этот пришлый быстро становился ее закадычным другом.

Мужчина, с которым она была откровеннее, чем с собственным мужем, убеждал ее не сдаваться, и Дженнифер, жуя очередной семейный ужин, не чувствовала за собой ни малейшей вины.

Потому что на душе у нее было спокойно и хорошо.

6. Адам

Смартфоны Зоэ и Заку были выданы с условием, что папа всегда будет знать их пароль. Заку было все равно – он мальчик и совсем еще юный, но Зоэ яростно возражала. Адаму было неловко настаивать, однако он не отступил, зная, что другие родители поступают так же. Ему было известно, что Виола даже отслеживает местоположение телефона Авы и слушает звуки вокруг него, чтобы знать, где находится ее дочь.

Стоя в кухне, он просматривал историю посещений Зоэ, радуясь, что все достаточно безобидно: статьи о коррекции бровей, о сумме карманных денег, которую дети вправе ожидать, и бесконечные сайты с примерами дизайна комнат подростков. Он проверил ее сообщения, не слишком углубляясь, если видел знакомые имена подружек из Лондона или Кloverдейла. Отложив телефон прежде, чем Зоэ спустилась, Адам по-быстрому поискал через ноутбук, не открыла ли дочь какой-нибудь аккаунт. Проверив в соцсетях и ничего не найдя, он вздохнул с привычным облегчением.

Адам гадал, сколько лет это будет тянуться. Они приехали в Англию, чтобы начать новую жизнь; насколько знали дети, мама не желала с ними зняться. Но долго ли продлится это при творство? Он жил в постоянном опасении, что какая-нибудь случайная информация из соцсетей разрушит их семью. Иначе и быть не может – дети во всем обвинят его, узнав, что он сделал, и этого Адам не вынесет.

Он снова сел за ноутбук. Его квалификация ландшафтного архитектора была весьма разносторонней, учитывая годы практической работы и широкий опыт на двух континентах, и сейчас он делал проект для многофункционального комплекса, включавшего жилые, коммерческие и торговые площади. Адам достаточно владел этой темой, чтобы разработать коммерческое предложение. Архитектор должен держать в голове массу разных вещей, идет ли речь о собственно зданиях или о пространстве между ними, и Адам с удовольствием трудился в составе команды профессионалов. Однако он был рад, что при необходимости может работать из дома: он успел посидеть за ноутбуком два часа, пока не встали дети.

Отправив Зоэ и Зака в школу, Адам допечатал письмо и пошел в библиотеку общих вещей, прихватив ненужный обрезок дерева, который спас из сарая в своем крошечном саду. Этого как раз хватит, чтобы укрепить полку, на которую жаловалась Дженнифер, пока она не сломалась под тяжестью кухонного оборудования.

– Вид у вас такой задумчивый! О чем мечтаете? – полюбопытствовала Элейн, когда он подошел к желтым дверям.

Адам попытался скрыть разочарование. Он рассчитывал увидеть Дженнифер, свою союзницу, хотя и она вряд ли захочет с ним зняться, если правда, которую Адам скрывал от всего Кloverдейла, выйдет наружу.

– Доброе утро, Элейн. Не ожидал вас встретить.

Солнце сегодня не освещало ярко-желтые двери, и Адам дрожал от холода, запоздало сообразив, что следовало надеть что-нибудь поплотнее тонкой футболки.

– Ой, я так тороплюсь в школу... Куда это Дженнифер запропастилась? Мне нужна мини-мойка.

– Уверен, Дженнифер скоро придет.

– А как ваша Зоэ? – Вопрос сопровождался тем же наклоном головы, что в первый раз, когда на церемонии открытия Зоэ при Элейн вводила себе инсулин. Адаму было неприятно, что эта женщина жалеет его дочь: Зоэ взвилась бы от малейшей жалости к себе.

– Спасибо, неплохо.

– Получается у нее справляться-то?

Зоэ управлялась со своим диабетом как настоящий профессионал. Адам такого даже не ожидал, особенно вначале, когда девочка яростно не желала принимать свой диагноз. Он перечитал всю литературу, какую достал, как за соломинку цепляясь за советы соблюдать здоровую диету и обеспечивать умеренную физическую нагрузку. Это были общие рекомендации для диабетиков, но в случае Зоэ, вынужденной поддерживать хрупкий баланс еды, активности и инсулина, от этого действительно зависело все. Однако, когда Зоэ смирилась с болезнью и перечитала все, что прочел отец, она взяла дело в свои руки, научившись жить с диабетом. Она всегда имела при себе еду, держала под рукой таблетки глюкозы и измеряла сахар в крови, не допуская критических значений. Но ведь порой и на старуху бывает проруха.

В Лондоне у Адама не было друзей или таких соседей, которым можно было позвонить, когда Зоэ посреди ночи увезли на «Скорой». Ему некому было довериться, не с кем поделиться своим ужасом от перспективы потерять дочь. Заку требовалось ободрение, а не перепуганный папаша, поэтому Адаму пришлось держать эмоции в узде. Им некому было помочь, когда у Зоэ резко упал сахар прямо на улице, и она с трудом добрела домой, но, к счастью, Адам успел срочно примчаться. Застав дочь в полуобморочном состоянии – Зоэ была мелкая дрожь, она была липкой от пота, с губ срывалось бессвязное бормотанье, – Адам принялся совать ей в рот жевательные мармеладки. Придя в себя, Зоэ страшно смутилась и рассердилась на него, но после этого случая он задумался о новом переезде, о новой перемене жизни, которая пошла бы на пользу и ему, и детям. Это означало уехать из большого города и поселиться в тихой провинции. И теперь Адам понимал, что обязан через «не могу» наладить отношения с кловердейлцами и стать среди них своим, однако подружиться с Элейн у него решительно не получалось.

Прекрасно понимая, что имела в виду библиотечарша, он предпочел разыграть недоумение. Он уже научился разбираться в женщинах.

– С домашними заданиями справляется, школьную программу осваивает, скоро будет сдавать экзамены на аттестат зрелости. Обычный ребенок, как и ее братишка.

Прибежала Дженнифер, рассыпавшись в извинениях, и Адам помог Элейн погрузить мини-мойку в багажник.

– Простите, – сказала Дженнифер, едва Элейн уехала. – Она вас очень допекла?

– Да она, в принципе, неплохая, хочет как лучше.

– Значит, очень.

– Без комментариев.

Когда Дженнифер включила компьютер, Адам отошел к провисшей полке и принялся за ремонт. Отлучаться из дома надолго он не мог – ландшафтный проект далеко еще не был окончен, но в маленьких городах принято помогать соседям, а Дженнифер вызывала у Адама симпатию, и отказывать ей он не хотел.

Взяв пилу, Адам вышел на парковку и отпилил лишнее от принесенной деревяшки. Тем временем Дженнифер принимала возвращаемые вещи: газонокосилку от Мейсона, облагородившего газон у паба, чтобы заработать карманные деньги. Хозяйка паба Мелоди решила кого-то нанять для подсобных дел – сами они с Дэнни крутились с утра до вечера. Маргарет, жившая возле школы, принесла обратно кухонный комбайн «Термомикс».

– Ура! – послышалось от стола Дженнифер, когда Адам в дальнем углу прибавал деревянную подпорку.

– Кажется, у вас хорошие новости. – Он вернул пилу и молоток и взял листок наждачной бумаги, чтобы обработать края.

– Простите, увлеклась. Садовый торговый центр любезно пожертвовал нам электрический кусторез! Его так часто спрашивали, что я присматривала, где бы купить со скидкой, а тут такой подарок! – Она принялась читать список кловердейлцев – некоторые фамилии были Адаму знакомы, другие нет, – которые хотели одолжить триммер.

– Меня тоже запишите, пожалуйста. Изгородь за домом давно пора привести в порядок.
– Я дам вам знать, когда кусторез освободится. – Дженнифер подошла, чтобы оглядеть полку. – Идеально! Огромное спасибо, просто выручили.

Вдвоем они живо поставили коробки с кухонной техникой обратно на стеллаж и присели, по настоянию Дженнифер, выпить по чашке чая.

– А почему вы сегодня задержались? – спросил Адам. – Дома все в порядке?

Он пил чай мелкими глотками, радуясь недолгому отдыху перед возвращением в «Лилипут».

– Арчи заболел. Всю ночь не спал, температура поднялась. Дэвид поехал в офис, а я дожидалась няньку.

Дженнифер отбросила падавшие на лицо волосы, и впервые Адам разглядел, что у нее усталый вид. Но сказать такое женщине он не мог.

– О, ну что ж вы не предупредили... Библиотека могла подождать и до завтра.

Дженнифер покачала головой.

– Люди на меня рассчитывают. Та же Элейн, например.

И Дженнифер засмеялась, когда Адам невольно поморщился.

– Арчи получше?

– Да, надеюсь, послезавтра пойдет в школу. – Она отпила чай. – Так что же вам все-таки сказала Элейн?

– Она действует из лучших побуждений, но с напором бульдозера. А что, только я ее так интересую?

– Да.

– Она меня жалеет, что ли?

– Да.

Дженнифер собрала волосы на затылке, закрутила и закрепила заколкой.

– Она видела, как Зоэ колола себе инсулин? – Адам сделал жест наркомана.

Дженнифер засмеялась:

– Да.

– Лучше бы ей об этом забыть и заняться своими делами. – Адам о многом хотел бы забыть из своего прошлого. Жаль, не существует волшебного ластика, чтобы подтереть воспоминания, от которых тебя корбит, сохранив при этом приятные моменты. Насколько проще стала бы жизнь...

– Как дела у Зоэ?

– Совершенно нормальный подросток, строптивый и несговорчивый. Я рад, что у нее появилась подруга. Они с Авой будто сто лет дружат.

– Ава – прелесть. Да и Зоэ ваша тоже, собственно говоря. Детей вообще сложно растить. Где-то настоишь на своем, где-то потерпишь...

Створка желтой двери-гармошки отодвинулась, и вошла Айла.

– Зачем ты пришла? – спросила Дженнифер.

Адам отметил ее не самый дружелюбный тон. Видимо, сказывалась усталость – или тут что-то еще? Когда Дженнифер в эсэмэсках спрашивала его мнения насчет того, чтобы ей вернуться к работе, он ее поддержал. Если кому-то такое и под силу, так это Дженнифер. То, как она организовала и руководила библиотекой общих вещей, многое говорило о ее ответственности и подходе к работе. Дженнифер будто сомневалась, что ей под силу нечто большее. Мамаша из нее прекрасная, но что ей мешает ухватить кусок жизни и для себя? Вопрос вертелся у Адама на языке, но он понимал, что это неуместно – они мало знакомы. Поэтому он промолчал.

Айла не обиделась на нелюбезный прием, устремив взгляд нежно-голубых глаз на Адама.

– Хотела поблагодарить Адама за урок обращения с дрелью. Когда я стучалась к нему в коттедж, меня увидела Элейн и подсказала, что он здесь.

В Айле было какое-то колдовское очарование – не то в улыбке, не то в глазах. Губы будто не желали выдавать всю полноту чувств в присутствии сестры.

– Мне самому было интересно оказаться в роли учителя, – галантно ответил Адам.

– А еще я хотела показать вам плоды трудов.

Адам взял протянутый Айлой мобильный. В этой молодой женщине душевная теплота сестры сочеталась с уверенностью и игривостью, к которой Адам никак не мог приноровиться. Оказалось, Айла сфотографировала все, что сделала после семинара.

– Вы повесили светильники? Прекрасно. И полки тоже хороши! Проблем не было?

– Что нам стоит дом построить...

Они улыбались друг другу, как парочка влюбленных тинейджеров, пока Адам не спохватился, что они не одни.

– А все мои выдающиеся преподавательские способности!

– Наверняка, – озорно улыбнулась Айла. – Возможно, я вам тоже пригожусь.

– Да? Это каким же образом? – Адам с удовольствием флиртовал. Уже давно женщины не обращали на него внимания... либо он был так замотан, что ничего не замечал. – Чему такому вы можете меня научить, чего бы я не знал?

Сгорбленная спина Дженнифер выдавала, что она не в восторге от этого разговора.

– Я веду йогу в местном клубе, – дерзко сказала Айла.

Адам захохотал:

– Пользоваться дрелью в сравнении с этим сущие пустяки! Мое тело давно не завязывалось в разные узлы.

– Все так говорят, – парировала Айла.

Он кашлянул, чувствуя прохладную реакцию Дженнифер на их болтовню.

– Может, не йогу, а что-нибудь еще?

Ужин, коктейль, прогулка по окрестностям – он бы принял что угодно, хотя и сдерживал свой энтузиазм в присутствии Дженнифер, которая, наверное, не хотела, чтобы ее сестра связывалась с человеком, о котором толком никто ничего не знает, зато тайн – полные чемоданы.

– Айла, мне кажется, Адам не увлекается йогой, – нервно сказала Дженнифер, без нужды начиная проверять «Термомикс», хотя Адам видел, что она это уже делала.

– Адам и сам в состоянии решить, – не уступила Айла.

Да, не много времени понадобилось сестрам, чтобы вывести друг дружку из терпения. Адам взял свой мобильный, решив убраться подобру-поздорову.

Он попрощался, но ему никто не ответил. Он получил лишь неуверенную улыбку Айлы, прежде чем она набросилась на Дженнифер:

– Тебе не приходило в голову, что у меня может быть свой разговор, в котором твое вмешательство нежелательно?

– Понятно, я тебе не нужна.

– Не переворачивай мои слова! До сих пор не можешь простить, что меня не было на открытии? – Дженнифер промолчала. Айла приняла это за ответ. – Я же преподавала, у меня была работа!

– Да где мне понять, я-то не работаю, правда?

– Опять начинаешь?.. Я не смогла прийти на открытие, но готова приходить и помогать, если ты позволишь. – Молчание. – Но умолять я не стану.

– С какой стати тебе тут находиться? У нас скучно, а твоя жизнь всегда была сплошным развлечением.

– Тебе жалко?

– Вовсе нет.

– Значит, ты мне завидуешь или терпеть не можешь, потому что я не такая, как ты со своей образцовой семейкой!

Ого! Адам был мало знаком с Айлой, но прежде она не производила впечатления сварливой особы. Он догадывался, что многого не знает, и, когда Айла гневно прошла мимо него, попрощался с Дженнифер и поспешил спастись бегством от полыхнувшей женской ссоры.

* * *

– Зак, Зоэ, ужинать! – крикнул он вечером, задрал голову. Коттедж был маленький, и Адама до сих пор удивляло, как громко приходится кричать, чтобы дети отозвались. – Ты не могла бы накрыть на стол? – попросил он Зоэ, которая первая появилась на пороге кухни. На ужин предполагалось карри с курицей, которое он приготовил в мультиварке: дразнящий аромат отвлекал его во время работы. На ланч Адам съел только тост и положительно умирал с голоду. – Зоэ! – Дождавшись, когда дочь поглядит на него, Адам показал глазами на столовые приборы: – Накрой на стол, пожалуйста!

Недовольное фырканье, которое издала дочь, заставило Адама задаться вопросом, уж не попросил ли он ее ненароком отдать ему почку. Неужели разложить вилки и ножи у тарелок так уж трудно?

– А он почему не накрывает? – возмутилась Зоэ, когда прибежавший Зак уселся на стул.

– А он завтра будет накрывать. – Адам поставил перед каждым из детей глубокую тарелку карри с рисом и положил порцию себе. – Ну что, как дела, как школа?

– Хорошо, – отозвался Зак.

– Скучотица, – буркнула Зоэ.

– Какие у тебя сегодня уроки были? – спросил Адам сына.

– Матика, физра... – Зак сморщился от напряжения, вспоминая. – Общая линейка.

– Это не урок, – оборвала его нежная сестрица.

– А у тебя что было, Зоэ?

– Была школа. Сейчас я дома. Можно не говорить о школе?

– Ну, предложи тему для разговора.

– Я есть хочу.

Адам не стал цепляться, потому что порой уступить – единственный способ не рехнуться. Зато Зак знай себе нахваливал его карри. Тарелки детей опустели, и Адам сделал вывод, что карри и в самом деле удалось. От Зоэ удалось добиться какой-то положительной реакции, только когда Адам попросил Зака отнести тарелки в раковину и завел разговор о ремонте. Они поговорили о цветовых решениях, и как туда впишется имеющаяся мебель, и о том, что Виола рекомендовала оставить красивые деревянные полы, но добавить коврик.

– У Виолы столько фоток в «Инстаграме»! – восхищалась Зоэ.

– Ах, вот как.

– Но я-то их, конечно, не видела.

Он вздохнул:

– Поговорим о соцсетях в другой раз.

– Смотри! Видишь? – Дочь указала в окно. Адам поглядел туда, но в наступавших сумерках различил только шпиль церкви через поле за коттеджем. В следующем месяце часы переведут назад, и долгие летние дни станут лишь воспоминанием.

– Ничего не вижу.

– Как это не видишь? – Сарказм так и капал с языка Зоэ. – Свины полетели!

Адам подавил поднимающийся гнев.

– Зачем же хамить?

– Я не хамлю, а говорю как есть!

– Нет, хамишь! – Адам тут же подумал, слышат ли его соседи. Получилось действительно громко. Зак даже вздрогнул. – Марш в свою комнату, раз не умеешь себя вести!

– Ну и прекрасно! – Ее стул проехался по полу, ступеньки загудели от сердитого топота, и кульминацией стал мощнейший удар дверью спальни.

– Папа! – Зак доел ужин и взглянул на него с таким серьезным лицом, что и Адаму пришлось принять соответствующее выражение. – Поставь ты ей это приложение! Оно у всех девчонок есть. – Зак понизил голос, будто их кто-то мог подслушать под окном: – Даже у нас в классе о нем говорили.

– Ну, тогда дело плохо.

– Мы же на уроках соцсети проходим!

– Уже?!

Зак закивал при виде шоколадного печенья вместо пудинга.

– Нам объясняют, как не попасть в опасную ситуацию, когда заходишь в интернет. Мы должны сразу говорить взрослым, если видим то, что нам не нравится. Пароли передавать никому нельзя. И всегда надо спрашивать родителей, если хочешь что-нибудь скачать. И нельзя постить фотографии, которые мы не готовы увидеть на первой странице газет.

Несмотря на серьезность темы, Адам едва не расхохотался. Лет двадцать назад, до появления современных технологий, с которыми ни черта не скроешь, спрятаться на другом конце света было проще простого. А сейчас его с головой готовы выдать собственные дети, легкомысленно относящиеся к серьезной информации, разбалтывающие лишнее и выставляющие свою жизнь на всеобщее обозрение.

Когда они с сыном загрузили посудомоечную машину (очередь была Зоэ, но Адам понимал, что разобиженную дочь-подростка сейчас в кухню не дозваться) и он разрешил Заку идти смотреть телевизор, мысли снова вернулись к тому времени, когда у Зоэ только нашли диабет. Все трое были страшно перепуганы, когда она лежала на больничной койке и ей проводили необходимые анализы. Вернувшись домой, Зоэ хотела только одного: снова стать нормальной. Она хотела быть как все, как остальные в классе. Может, если бы Адам разрешил Зоэ установить это треклятое приложение для соцсетей, раз ее так переклинило быть как все, это стало бы шагом в правильном направлении? Дети и так достаточно натерпелись, он перед ними в долгу. Коль скоро их мамаша не пронюхает, где они, доверие детей к отцу не пошатнется.

Но, если они когда-нибудь узнают правду, возврата к нормальной жизни не будет: его обман разоблачат, и правда о том, что он сделал, станет пищей для местных сплетен. Ему будут перемывать кости на каждом углу, и первая за него примется Элейн, которая так и маячит поблизости, ловя малейшую оплошность.

Адам обязан сделать все, чтобы этого не произошло.

Вытерев раковину, он взял мусорный пакет, чтобы отнести в контейнер, уже стоявший у калитки, – завтра приедут мусорщики.

– Я и забыла, что сегодня мусорный день. Спасибо, что напомнили!

Теплый знакомый голос заставил Адама остановиться. Сестра Дженнифер проходила по улице мимо коттеджа «Лилипут».

– Здравствуйте еще раз, – обрадовался Адам, залюбовавшись улыбкой Айлы. – Вы в паб?

– Я договорилась с Гетти пропустить по стаканчику.

– Гетти – очень приятная девушка, у вас много общего.

– Вы про наш нонконформизм?

– Не совсем. – Айле невозможно было дать ее тридцать шесть лет – она выглядела молодо и жила совершенно свободно, что по сельским меркам было из ряда вон. – Я имел в виду, что Гетти не замужем и разбирается в искусстве, с ней можно поговорить об идеях для ремонта. Или вот Виола, она занимается дизайном интерьеров... А почему вы улыбаетесь?

– Вы пытаетесь выбраться из неловкой ситуации, но только глубже хороните себя.

Адам прислонился к стойке ворот.

– Извините.

– Не волнуйтесь, я знаю, что совсем не похожа на Дженнифер. Вы ведь это пытались сказать?

– Это даже хорошо!.. Не в смысле, что с Дженнифер что-то не так, а, гм... – Он крепко потер лицо рукой. Айла хихикнула. – Ваша сестра старается вас опекать, это очень трогательно.

– Ага. Только я бы предпочла, чтобы она этого не делала.

– Не может быть, чтобы вы говорили серьезно!

– Па-па-а-а-а-а! – раздалось из коттеджа.

– Не хотите ли зайти, выпить чаю или кофе?

Адам с удовольствием заметил, что улыбка Айлы стала шире.

– А давайте, – сказала она. – Я все равно иду с запасом.

Они вошли в дом, и Адам оценил катастрофу: в пульте от телевизора сели батарейки. Он нашел в кладовке запасные, заменил, и Зак побежал дальше смотреть мультфильмы.

В кухне Айла присела к столу, а Адам перечислил, какие капсулы с кофе у него имеются.

– Тут, по описанию, вкус полный и сбалансированный. А тут, – он показал капсулу, – густой и интенсивный.

– Второй больше похож на меня. Давайте его. Полный и сбалансированный – это про Дженнифер.

Адам невольно засмеялся – и ему стало стыдно. Дженнифер первая в Кloverдейле радушно приняла его и Зоэ с Заком, и Адам это ценил.

– Ваша сестра вовсе не великан-людоед из сказки.

Айла хотела возразить, но удержалась и сказала только:

– Знаю, но я бы предпочла, чтобы она не вмешивалась в мою жизнь. Жила же я как-то без нее.

Адам сделал две чашки кофе и поставил их на стол.

– А какая у вас была жизнь? Уверен, в ней не случилось ничего одиозного, вроде отбывания срока в тюрьме или совершения преступлений.

– Ну, я не настолько безбашенная... Хотя и обучалась танцам на пилоне.

– Вот как?

Айла продемонстрировала некоторые движения, заставив Адама заинтересоваться, для чего людям принимать такие позы. Он тихонько дул в свою чашку кофе, слушая Айлу: такая собеседница стала неожиданным счастьем в этот вечер.

– Я долго путешествовала, перепробовала множество профессий, потом увлеклась йогой и настолько ее полюбила, что решила преподавать. Мне бы хотелось открыть свой бизнес и стать инструктором йоги, но это может занять некоторое время. Я преподавала в Нью-Йорке, немного в Португалии, чуть дольше в Лондоне. Сейчас я работаю на моих знакомых, заменяю учителей, которые не могут провести занятие.

– Как интересно!

– А мне нравится эскапизм. Вряд ли я высидела бы в офисе с девяти до пяти. Я даже не знала, как мне необходима йога, пока не занялась ею, если это не прозвучит бессмыслицей.

– О нет. – Огненно-рыжие волосы, обычно убранные в хвост, были распущены по плечам, и от этого Айла казалась чуть более раскрепощенной. – А в Австралии вам понравилось?

Адам пододвинул ей шоколадное печенье, которым они с Заком лакомились после ужина. Айла взяла печенье и улыбнулась Адаму. Ее голубые глаза сияли молодостью.

– Очень понравилось. Столько солнца, океан, простор...

– Прекрасная страна.

– Я слышала, вы там долго прожили?

– Там замечательные края. – Адам не стал уточнять, как он любил Мельбурн, ставший для него вторым домом. Он не разлюбил этот город – совсем наоборот, но альтернативы отъезду не было.

– Я жила в Новой Зеландии, – продолжала Айла. – Каталась на лыжах, занималась экстремальным спортом...

Адам доел свое печенье.

– Как-то не очень похоже на йогу. Мы сейчас говорим о скайдайвинге и прыжках с тарзанки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.